

Власть силы. Том 2. Когда враги становятся друзьями

Автор:

Виталий Зыков

Власть силы. Том 2. Когда враги становятся друзьями

Виталий Валерьевич Зыков

Дорога домой #5

Великая смута захлестнула Торн. Расторгаются многовековые союзы, соседи идут друг на друга войной, недавние друзья бьют в спину. Даже величайшие из великих и те оказываются под ударом давно и прочно забытых врагов. Мир вступил в эпоху страшных потрясений... Но когда на ветру полощется знамя пророчества и сидит на драконьем троне носитель трех цветов магии, не стоит бояться грядущего.

Виталий Зыков

Власть силы. Том 2. Когда враги становятся друзьями

В тексте романа использованы стихи Александра Блока.

Царящие в современном обществе, а точнее, в кругу правящей элиты нравственные представления плотно увязаны с концепцией свободы, Света, Светлых сил и некоего Истинного добра. Всегда и везде присутствует глубинное понимание, что все совершаемое представителями цивилизованного мира – это правильно, это хорошо. Потому как на то они и цивилизованные, чтобы всегда поступать как должно. Другое дело варварские страны! Их удел принимать свет просвещения от более развитых государств и стараться изо всех сил, чтобы их

не уличили в отклонении от изначального понимания идеалов добра... Что? Вы спрашиваете, кто олицетворяет этот самый Идеал? Народ Светлых эльфов, разумеется... И на будущее, если не хотите разрушить свою карьеру, больше никогда не задавайте таких вопросов!

Из конспекта лекций по вопросам права профессора Гарташского университета, почтенного Нерпа Тулеара

Сенсация, сенсация!! Очередные преступления режима узурпатора Западного Кайена!! Во время встречи с послом Нолда он потребовал компенсации за «незаконную» аренду кайенских рудников. Сколь долго страны Объединенного Протектората будут еще терпеть этого наглеца?! Сенсация, сенсация! Только у нас читайте размышления о мотивах поступков личного врага свергнутого короля Мишико!

Из речовки распространителей новостного листка «Время Дзанда» в столице Заурама

Пролог

Фехтовальная школа Мастера эл'Кируты, самая известная в Наврасе, располагалась на окраине квартала ремесленников, рядом с заброшенным парком. Не самый спокойный район в городе, но хозяйка – а владелицей и самым сильным бойцом школы была именно женщина – переезжать не желала, называя опасность встречи с лихими людьми важной частью обучения. Кому другому такое отношение, может, и не простили бы, но не эл'Кируте. К самому экстравагантному Мастеру Меча Навраса и окрестностей всегда стояла очередь из учеников и просто желающих подтянуть свой уровень владения клинком. Двухэтажное здание школы, покрытое белоснежной плиткой с затейливым узором, в каком-то смысле даже считалось одним из символов города, и Совет Почетных граждан не раз обсуждал идею внести его в официальный список достопримечательностей. Но пока, правда, дальше разговоров дело не шло...

Дарга подобные тонкости практически не интересовали. Все, что ему было нужно от школы, – достойные партнеры для тренировок и возможность аттестации на звание Мастера. Эл'Кирута такую возможность ему давала, а все остальное не важно. Мысль о «бабе с мечом» у него если и возникала, то после первого же урока развеялась как дым. Хозяйка – беловолосая, сухощавая, неопределенного возраста тетка – получила звание Мастера Меча точно не за красивые глаза.

Регулярно посещать фехтовальный зал Дарг начал полгода назад и тогда же получил официально назначенную дату испытания на звание. Сначала заглядывал раз в седмицу, потом увеличил число тренировок до двух, когда же до срока осталось менее четверти сезона, стал ходить почти каждый день. И всякий раз он брал с собой Селерея. Новые противники положительно повлияли на обучение мальчика, и он удивительно быстро прогрессировал.

Вот и сейчас Дарг не без гордости наблюдал за тем, как воспитанник лихо теснит своего шестнадцатилетнего соперника в угол, а затем «добивает» косым ударом с выбросом энергии. И если бы не тренировочные доспехи, простым падением и синяком на груди его противник точно бы не отделался.

Все-таки из мархузеныша будет толк!

– Наставник, видели, как я его? – возбужденно зашептал раскрасневшийся Селерей, подскочив к Даргу.

Гвонк похлопал ждущего похвалы мальчика по плечу:

– Неплохо для твоего уровня. Но хвастаться будешь, как начнешь справляться с подобными ему без использования моих техник, – сказал Дарг менторским тоном, без капли теплоты в голосе.

Парнишка на мгновение посмурнел и уважительно поклонился, благодаря за науку. Однако радость от победы перевесила, и когда он помчался переодеваться, снова был в хорошем настроении.

А вот Дарг хорошим расположением духа похвастать не мог. С раннего утра его грызло предчувствие приближающейся угрозы, но в чем она заключается и с какой стороны ждать удара, понять не получалось. До чего дошло: сегодня

он даже пришел в школу в кольчуге скрытого ношения, чем не утруждал себя уже много лет. Зачем броня, если главная твоя защита – незаметность и скрытность? Раньше такая тактика себя полностью оправдывала, и вдруг такой поворот. В том, что проснувшееся чутье на опасность это нечто большее, чем приступ мнительности, Дарг не сомневался ни на миг.

Кивнув старшему Наставнику на прощанье, Дарг спустился на первый этаж и забрал с оружейной стойки свою саблю. Кольчугу он надел еще раньше, сразу по окончании своего занятия, так что дальше ждал уже полностью экипированным.

Мальчишка появился спустя пять минут после того, как бывший вождь кочевников вышел на крыльцо школы. Он был умыт, аккуратно одет, а подаренный на прошлый день рождения хлыст из гибкой стальной ленты с шариком на конце, как и положено, прятался на манер пояса под курткой.

– Наставник, парни в умывальне говорят, что ты точно пройдешь испытание. Никто не сомневается! Даже эл'Кирута... – зачастил Селерей, едва увидев Дарга.

– Для тебя госпожа эл'Кирута! – холодно поправил воспитанника гвонк.

Парнишка, уже привыкший к подобной манере разговора, торопливо закивал:

– Да-да, госпожа эл'Кирута! Она сказала, что на ее памяти ты самый сильный претендент на Мастера! Представляешь?!

– Представляю! А теперь замолчи и смотри по сторонам... Забыл, как всегда и везде должен вести себя воин?! – одернул мальчика все больше и больше мрачнейший Дарг. – Ищи любое нарушение порядка вещей!

Чувство опасности уже не предупреждало, оно билось в конвульсиях, крича о смертельной угрозе. Однако гвонк по-прежнему не видел ничего подозрительного. Все было как обычно: нет ни враждебной магии, ни странных прохожих, ни лучников, прячущихся в подходящих для засады местах. Ничего...

– Да чего его искать-то? – вдруг удивился Селерей. – Вон в той подворотне живут два трусливых скорта. Раньше, всякий раз, как видели уважаемого Наставника,

они прятались, а теперь стоят и плятятся, как заколдованные.

Услышанное едва не заставило Дарга сбиться с шага. Тут и вправду всегда мелькали две дворовые шавки, к которым мальчик первое время постоянно лез знакомиться. Гвонку даже пришлось сделать Селерею внушение о неподобающем поведении. Интерес вроде угас, но, как оказалось, не до конца. И похоже, теперь тяга парнишки к грязному зверью спасет им жизнь.

Потому как Даргу хватило одного взгляда в сторону упомянутых скортов, чтобы опознать одержимых злыми духами. И какого хаффа он сам их не увидел...

– Приготовься уйти в сторону, только незаметно, – одними губами сказал Дарг. – И ради Светлого Орриса, не лапай свой хлыст!

После этих слов Дарг остановился и нарочито громко принялся распекать Селерея за любовь к сплетням. Тот поник головой и начал хлюпать носом, что, на взгляд его Наставника, уже было перебором. Не бывает такого, чтобы маленький воин, изучающий боевые искусства, приученный терпеть боль и переступить через себя, вел себя как обычный капризный ребенок!

Видимо, так же подумали и устроители засады... Хотя, может, испугались, что их жертвы пойдут другой дорогой? Впрочем, не важно, главное, что неизвестный наблюдатель дал отмашку и на Дарга с Селереем напали.

Первыми атаковали одержимые скорты. В полнейшей тишине звери двумя тенями кинулись на гвонка: один бросился в ноги, а вот второй вытянулся в длинном прыжке, нацелившись если не вцепиться в горло, то хотя бы сбить с ног.

Но подобными фокусами Дарга было не пронять. Мощным пинком встретив нижнюю тварь и на мгновение ее дезориентировав, он еще в воздухе развалил на две половинки любительницу прыжков. И не просто разрубил ее физическое тело, а еще и рассек аурным клинком астральную сущность. Умерший окончательной смертью одержимый монстр еще падал, когда сабля возвратным движением снесла голову его сородичу.

На все про все ушло всего несколько секунд, но их хватило, чтобы на сцене появились четыре новых действующих лица. Первыми взгляд выхватил двух

воинов, стремительно несущихся к нему со стороны трехэтажного здания с выбитыми стеклами. У каждого по две сабли и легкий доспех всадников на тиррах из земель гвонков. И характер движений бойцов, а особенно их скорость, говорил, что за головой Дарга на чужбину заявила пара опытных Мечников. На другой стороне улицы, около подворотни, из которой выскочили одержимые, стоял похожий на щепку шаман. Перед собой на вытянутых руках он держал огромные бусы, что-то напевая на наречии тарков. И можно не сомневаться, что результат его колдовства очень не понравится Даргу.

Ну и наконец, последним беглый вождь кочевников увидел пращника, который успел раскрутить свое оружие и запустить в него свинцовым желудем. В этот раз удалось увернуться, но, когда Дарг схлестнется с Мечниками, шансы попасть под удар сильно возрастут. И тогда ему не поможет никакая кольчуга! Не пробив броню, примитивный снаряд просто переломает ему все кости.

Как же быть, какую стратегию выбрать?! Будь он один, Дарг рванул бы во дворы, под прикрытие кирпичных стен и деревянных заборов, чтобы в их лабиринте по одному переловить всех убийц. Но как быть сейчас, когда с ним Селерей? Как бы он ни относился к мальцу, его матери и поручению Чес'сена, зла ему не желал и даже чувствовал какую-то ответственность.

Нет, это не выход... Так, а почему Селерей еще здесь?!

– А ну двигай отсюда, полюби тебя Кали!! – рявкнул Дарг, заметив, что паренек все так же стоит неподалеку от него, с растерянным видом пялясь на врагов. Учил его, учил, а как до дела дошло, так он в размазю превратился... Проклятье!

Времени на ругань и крик не осталось: Мечники были уже совсем рядом, беря беглого сородича в клещи. Один из них не поленился, метнулся к Селерею и мимоходом, не сбавляя шага, рубанул клинком. Вот только если он рассчитывал этим избавиться от мальчугана, то сильно просчитался. За миг до удара Селерей провалился в нижнюю стойку, пропуская саблю над головой. Мало того, когда убийца, резко затормозив, собрался пустить в ход второй клинок, паршивец вогнал ему в щиколотку трехгранный стилет и мячиком откатился в сторону.

Как же этот раненый сын хфурга заорал! И дело не столько в боли, сколько в злости и унижении. Могучий Мечник и опытный воин оказался серьезно ранен в честном бою с... пусть обученным, но ребенком! Дома, в Запретных землях, о таком до самой смерти бы помнили, никакие последующие подвиги или заслуги бы не спасли!

Жаль испытать чашу позора неудачник уже не сможет. Дарг метнулся к потерявшему подвижность бойцу. Если уж появилось у врага слабое звено, то не воспользоваться им значит разгневать богов.

Из энергетических центров привычно хлынула энергия, наполняя мышцы силой. Он сделал один шаг и... с огромным трудом отбил сначала горизонтальный удар второго Мечника, а затем косой снизу вверх. Тело не желало двигаться с привычной скоростью, со всех сторон его словно сжали невидимые тиски, в разы замедляя каждое движение. Мастерства Дарга хватило, чтобы предвосхитить обе атаки и отбиться, но о контратаке следовало забыть.

Аура пошла волнами, противостоя магическому воздействию, где-то раздвигая силовые линии, где-то рассекая или вовсе разрывая. Заклинание шамана затрещало, распадаясь, а связавшие Дарга по рукам и ногам духи начали один за другим отправляться обратно в иные планы Бытия. Телу стала возвращаться привычная легкость, и напор противника перестал казаться таким уж опасным. В одиночку Мечник был ему не соперник! Жаль только драться с Даргом он пришел не один...

Помимо самой схватки, Даргу приходилось следить за пращником и снова что-то колдующим шаманом, постоянно помнить про притихшего раненого... Едва последний оказался у него за спиной, как противник усилил напор, не давая отвлечься ни на миг. Долго такой ритм он вряд ли бы выдержал, но долго было и не нужно. Стоя под градом ударов, Дарг всей кожей ощущал, как невидимый сейчас враг поднимает сабли и готовится вонзить ему в спину.

Он уже собирался отпрыгнуть куда-нибудь в сторону, пусть даже ценой ранения, как вдруг услышал сдавленный вздох и шум падения тела. Но если Дарг отметил случившееся лишь краем сознания, то дерущийся с ним боец не удержался и вильнул глазами... Всего на какой-то миг, но его движения потеряли плавность и неразрывность, за что он моментально был наказан. Отбив одну саблю и скользнув под другую, Дарг сократил дистанцию и вогнал два пальца, как когда показывал Селерею на примере манекена, прямо в горло

врага. А когда тот замер от болевого шока, завершил схватку рубящим движением своего клинка, распавав тело Мечника от паха до середины груди.

После чего, по-прежнему не оглядываясь, зигзагом понесся к любителям бить издалека.

Шаман занервничал, прервал чтение заклинания, одним ловким движением намотал бусы на руку и принялся складывать из пальцев какие-то знаки. Колдовство сработало быстро. Сначала на пути Дарга возникла стена пламени, через которую он проскочил, всего лишь уплотнив ауру, а затем полетели обычные Стрелы Эльронда. От них Дарг либо уворачивался, либо отбивался клинком духа. Из-за непрерывных магических атак он дважды едва не «поймал» снаряды пращника, каждый раз отвечая броском коротких заточенных штырей. Впрочем, как и его противник, Дарг тоже оба раза промахнулся.

Наконец он оказался рядом с шаманом и, разрубив его руку, поднятую в тщетной попытке защититься, самым кончиком сабли чиркнул по горлу. Этого хватило, чтобы колдун гвонков захрипел и повалился на мостовую, забрызгивая камни кровью. Второй удар, в сердце, Дарг нанес, когда тот уже лежал.

Следующим на очереди был пращник, который менял ремень для метания на валяющееся в ногах копье. Дарг только сделал шаг в его сторону, как тот внезапно вздрогнул и, прижав ладони к груди, рухнул лицом вниз. Из спины последнего врага торчала эльфийская стрела с белым оперением.

– А вот и помощнички появились, чтоб им хаффами переродиться! – пробормотал Дарг, оглядываясь.

Стрелок в зеленом плаще с капюшоном обнаружился почти в конце улицы. Лук он опускать не спешил и настороженно выискивал новую цель. Еще двое его коллег только-только занимали позиции на крыше трехэтажного здания рядом с приметной башенкой.

– Ну надо же, почти полная звезда. Подумайте только, какая честь! – хмыкнул Дарг, находя взглядом Селерея.

Мальчик все так же стоял подле убитого Мечника и настороженно следил за Длинноухими. В руке он держал хлыст, которым сегодня отправил

на перерождение своего первого врага. Что ж, ради такого дела Дарг даже не будет его наказывать за непослушание. Ну или если накажет, то не слишком серьезно. В конце концов, парнишка достойно проявил себя в бою: Дарг, конечно, справился бы и без него, но далеко не так быстро.

– Рад видеть тебя живым, Дарг, сын Сохога. – Саженья в десяти от места схватки тени между домами вдруг расступились и на освещенную улицу вышел Ханг Чес’сен в сопровождении двух воинов. – Как тебе понравился привет от брата?

– Почему именно от него? Откуда такая уверенность? – Дарг подозрительно уставился на гостей.

– А от кого же еще? Шаман, три воина, два из которых Мечники... Все четверо – гвонки! Какие могут быть сомнения? – неприятно улыбнулся Ханг, приблизившись к беглому вождю тех самых гвонков.

Дарг раздраженно дернул щекой и, вытерев окровавленный клинок специальной тряпицей, вернул саблю в ножны. Поманил Селерея.

– Например, этот помет тарка натравить на меня могли вы. Для большей сговорчивости в нашем общем деле, – мрачно пояснил он. – Не зря же проклятый Кали и Темным Оррисом пращник сдох именно в тот момент, когда я собрался скрутить его для допроса.

И без того неприятное лицо Ханга исказила гримаса гнева.

– Мы?! – зашипел эльф. – Мы пасли твоих сородичей уже полторы седмицы, с момента как те появились в Гонуле. Сегодня ночью собирались накрыть их логовище, но они нашли тебя раньше... И вместо того чтобы поблагодарить за помощь, ты обвиняешь Кали знает в чем! – А под конец и вовсе прорычал: – Смертный, не испытывай наше терпение!

– Вот как... – усмехнулся Дарг, совершенно не впечатленный словами Чес’сена. Поощрительно похлопал подошедшего Селерея по плечу, чем вызвал у того широченную улыбку, после чего остро глянул на Длинноухого. – Если вы ни при чем, то какого мархуза убийцы пришли ко мне именно сейчас? Не год назад, не два и не три, а именно сейчас. В чем причина?

– Быть может, в том, что приготовления, о которых мы говорили полгода назад, вступили в финальную фазу? – совершенно спокойно сказал Ханг. – Теорн что-то почуял, всполошился и решил на всякий случай полностью закрыть тему с беглыми претендентами на власть. И подтверждение тому неподготовленность команды ликвидаторов. В таком составе ее хватило бы для убийства Мечника Дарга, но никак не эл’Дарга.

Селерей, услышав подобное титулование Наставника, гордо приосанился, но на самого гвонка столь грубая лесть не действовала.

– А не слишком ли рано делить голову не убитого мархуза? – неприязненно спросил он.

Разговор уходил в сторону, эльф явно недоговаривал – например, непонятно, как убийцы так быстро нашли Дарга или почему сами эльфы ждали появления гостей с Сардуора, – и гвонк не имел никакой надежды добиться правдивого ответа.

– В самый раз, – сообщил Ханг. – Да и в конце-то концов для наших планов нужен не воин, а вождь. Титул Мастера всего лишь приятный довесок, полезный в ситуациях, подобных этой. – Перворожденный кивнул в сторону тел на мостовой. Селерея же он нарочито игнорировал. Впрочем, Дарг уже успокоился и в речи Чес’сена смог вычленить главное.

– Все-таки вождя? – переспросил он со значением.

– Почти, – сказал Ханг, по-звериному наморщив нос, и добавил: – Да и вообще, какая разница? Пора заканчивать здесь дела и возвращаться на Сардуор. Время пришло!

Дарг, давно уже ждавший этих слов, не удержался и вздрогнул. Потому как дома всегда лучше, чем на чужбине. Как ни старайся, но иноземцы все равно останутся для тебя иноземцами, а ты в их глазах до смерти не избавишься от клейма чужака. Плохо, когда ты мыкаешься по миру и не можешь нигде найти лучшей доли, но вдвойне ужасней, если тебе некуда вернуться после странствий.

Вот Даргу было куда. И проклятый Темными богами эльф являлся тем ключом, что открывал ему дорогу домой. За это же можно простить многое, очень многое...

* * *

Долина Трех курганов издревле славилась как заповедное место и земля мира, где ни один, даже самый бешеный орк никогда не прольет кровь врага. Здесь вели переговоры враждующие племена и кланы, заключались союзные договора и приносили клятву духам предков великие вожди. Долина для диких и грубых орков была такой же святыней, как Белая пирамида для народа Тлантоса, Дворец Закона для лишенных Дара жителей Нолда или ныне сожженный дотла Ссар'лаэр'гоар для М'Ллеур.

И вот теперь здесь, в сердце земель народа ха'ора, как иногда называли орков в Империи Заката, находилась делегация от эльфов Ночи. Необычности ситуации добавляла причина их появления в долине. Грозные соседи не требовали капитуляции, что случалось в прошлом, не выдвигали ультиматумов, что тоже бывало, и уж точно не просили о мире, чего, как они надеялись, не произойдет никогда. М'Ллеур примерили на себя роль переговорщиков... чем привели шаманов и вождей орков в полнейшее обалдение. Могущественные и высокомерные маги, считающие всех и вся грязью под ногами, несли в степи Горха слово смертного короля-чародея. Разве может быть в этом глупом мире что-то более удивительное?

– Коллега, вы когда-нибудь раньше видели столько ха'ора одновременно? – спросил варрек Минош мрачно.

Шатры эльфийской дипломатической миссии располагались на небольшой возвышенности, так что палатки, юрты и чумы вождей и шаманов орочьих племен, собравшихся на малый сход вождей, были у них как на ладони. А ведь там, где лидеры, там и советники, телохранители, слуги и ученики. Так что орков между тремя курганами и вправду собралось немало.

– Лишь однажды, – важно кивнул варрек Легрун. – Когда случайно заглянул в Желтый зал дворца короля и увидел там картину уважаемого Иртуна Де'Круа «После разгрома Орды».

Тут он не удержался и широко ухмыльнулся, Минош ответил тихим смешком. Да, приятно осознавать, что тебя окружают единомышленники. Что кто-то еще был бы счастлив говорить с дикарями на языке силы, а не дипломатии.

– А может, мы зря всю эту игру в посредников затеяли? – едва слышно, одними губами сказал Легрун. – Собрали всех варреков, простых магов-практиков, усилили полками тяжелой пехоты, лучниками, да и прошлись по степям огненной косой до Льдистого океана и обратно!

– Всех варреков? – Минош скривился, словно съел неспелый друл, и украдкой вытер вспотевшее лицо. – Пять-шесть лет назад, когда был разрушен Гамзар, я бы с тобой еще согласился, но не теперь. Число нападений тварей Темного океана постоянно растет, с каждым разом на берег вылезают все более и более мощные порождения Мрака, и недалек тот день, когда на защиту придется встать уже не просто чародеям, а нашим с тобой коллегам. Хотя к чему это все... Зачем подняли Знамя Призыва, ты знаешь не хуже меня!

– Знаю, не спорю. Но помечтать-то можно?! – пробормотал Легрун и промокнул лоб батистовым платком. – Вымя Кали, да что ж так жарко-то!

Воровато оглядевшись, варрек прошептал короткое заклинание, и обоих магов как из душа обдало морозной свежестью. Не остался в стороне и Минош, правда, он действовал более прямолинейно и наколдовал у них над головой небольшую тучку. Жить сразу же стало веселей.

– Добром эта засуха не кончится... – согласился Минош и не без злорадства заметил: – Ничего, сговорчивее будут.

Эти его слова словно послужили катализатором, и среди орков началось активное шевеление. Прекратилось внешне бесцельное хождение между шатрами, стих уже опостылевший М'Ллеур многоголосый шум. Все замерли, и лишь группа из трех десятков представительных воинов и сильных шаманов целеустремленно направилась к эльфам.

Едва хозяева долины приблизились, как Легрун, на правах старшего в делегации, пригласил их проследовать в специально подготовленный для переговоров шатер. Орки не возражали, правда, некоторые из них, самые звероватые на вид, восприняли предложение укрыться от палящих лучей Тасса

как проявление слабости и обменялись усмешками.

Помойное семя!!! Минош едва не потерял плохо дающийся ему контроль над обликом, выпустив наружу демонические черты. Как смеют эти грязерожденные твари так вести себя со Старшей кровью?! И почти сразу мысли перескочили на того, по чьей вине они и оказались здесь. Список претензий к К'ирсану Кайфату, за каждую из которых варрек вырвал бы ему сердце, вырос еще на один пункт...

Едва переговорщики оказались в шатре, как заговорил самый старый орк. В лицо Минош видел его впервые, но, судя по регалиям – медальону из зуба Большого Илима в виде красного глаза и вытатуированной на правой щеке раскрытой ладони, – это был Фукенг Рука Юрги, Верховный шаман ха'ора. И несмотря на возраст, от него так и несло дикой могучей Силой.

– Темные, мы услышали просьбу вашего короля и собрали малый сход вождей. Здесь самые влиятельные лидеры воинов и шаманы племен, – неожиданно мощным басом выдал старый колдун. – Теперь хотим услышать, что намерен предложить нам повелитель наших исконных врагов. – Орк растянул губы в кровожадной усмешке и добавил: – Но будьте осторожны со словами. Мир на пороге смутных времен, и это единственная причина, по которой сход согласился выслушать Пробудивших Древнюю кровь.

Атмосфера в шатре накалилась, и Минош поймал себя на мысли, что прикидывает, каким заклинанием и кого из орков он ударит первым. Только теперь он понял правильность решения Наставника, который назначил главным в миссии не его, а Легруна. Коллега более сдержан, и он точно не поддастся эмоциям. А ведь от них требуется не просто выдержать, но еще и добиться поставленных целей! Нет, именно сейчас Минош точно не хотел бы быть на месте старшего товарища.

– Вы правы, смутные времена наступают. И, чтобы пережить надвигающийся хаос, нужны нестандартные решения, – абсолютно спокойно ответил Легрун. Будто и не было в словах шамана слабо прикрытых угроз. – У М'Ллеур новый союзник, который сильно заинтересован в дружбе с народом степей. И наш повелитель в милости своей согласился стать посредником между вами.

– Король Западного Кайена дорос уже до звания союзника? – продемонстрировал осведомленность в делах Сардуора шаман. – Ночных эльфов так впечатлили его успехи, что они стали заводить «союзников» среди смертных? Тогда наступили времена еще более смутные, чем мы могли представить.

Сгрудившиеся вокруг старого хрыча орки шумно загоготали.

– Думаю, король Кайфат сам способен ответить на многие ваши вопросы, – сообщил Легрун с холодной улыбкой. И выложил на высокую подставку в центре шатра плоский кристалл памяти. Влил потребную порцию Силы, пробормотал заклинание активации, и вот уже вместо камня возникла призрачная фигура К’ирсана Кайфата.

Король-маг был одет неброско: камзол, брюки, рубашка навыпуск, сапоги. На поясе меч, а лицо скрыто маской. Из украшений одна лишь корона. Ни тебе золотых цепей в руку толщиной, ни пуговиц из драгоценных камней, ни безумно дорогих тканей. Хотя зачем ему подобная демонстрация богатства и власти? Зеркалом его могущества стали глаза, полыхающие ярко-зеленым пламенем Истинной магии. Несмотря на участие в общем ритуале, Минош так и не смог оценить реальный уровень К’ирсана во владении Искусством. Но если его мастерство соответствует проявленной Силе, то он действительно весьма и весьма опасный противник.

Все присутствующие в шатре шаманы явно пришли к тем же выводам, потому как хоть и с некоторым запозданием, но встретили появление иллюзии уважительным наклоном головы. Дикари умели ценить личное могущество.

– Приветствую вождей прославленных орков: воинов, о мастерстве и доблести которых слагают легенды на всех континентах! – сообщило объемное изображение короля. – Жаль, личная встреча пока невозможна, и, чтобы выказать свое восхищение вашим народом, приходится использовать посредников. Надеюсь, это маленькое неудобство никак не повлияет на ход нашей беседы. – Хозяин Западного Кайена развел руками, как бы извиняясь. – Хотя о чем это я, настоящим воинам чужды политесы, а потому перейду к делу. Западный Кайен заинтересован в найме трех орочьих пехотных легионов сроком на год, с возможностью продления контракта. Оплата будет производиться не деньгами, а продуктами – хлебом, сухофруктами, маслом и вяленным мясом. В случае участия воинов в боях – из захваченных трофеев будет выплачиваться премия. Если уважаемых вождей интересует данное предложение,

то подробности сделки можете узнать у моих посланников... Надеюсь, вы сделаете верный выбор, а наша дружба будет долгой и плодотворной!

Иллюзия пошла рябью и пропала.

– Неожиданно... До сего дня еще никто не предлагал нашим воинам вместо звонкого золота проливать свою кровь за еду, – со странной интонацией сказал Верховный шаман.

Вожди поддержали его дружным ворчанием, но и только. Не было ни злобных воплей, ни угроз, ни ругани. Яростные, несдержанные орки встретили столь необычное, если не сказать оскорбительное, предложение почти спокойно.

– Стараниями магов и земледельцев в Западном Кайене последние годы собирают невиданные урожаи зерна, растет поголовье скота и домашних ящеров, – пояснил варрек Легрун уверенно. Слово было не эльфом Ночи, а каким-нибудь мархузовым торговым представителем К'ирсана Кайфата. – И, насколько мне известно, Кайен совершенно не затронула засуха.

Минош с трудом вспомнил, что нечто подобное было написано в тех бумагах, которые им передал перед поездкой Наставник. Сам он лишь пробежал записи взглядом, а вот старший явно отнесся к делу гораздо ответственнее. Удивил, удивил, ничего не скажешь!

– Да, засуха многое меняет, – покивал шаман и погрузился в размышления.

Остальные лишь почтительно молчали, ожидая его решения.

Хотя чего там решать? Массовая миграция природных духов, не иначе как связанная с той отрыжкой Бездны, что засела в Козьих горах, уже стала причиной проблем с урожаями по всему миру. Страны Объединенного Протектората имеют запасы, но надолго ли их хватит? И как быть тем, кто далеко не столь богат и предусмотрителен? Кое-где обязательно начнется голод, цены неизбежно поползут вверх, но в какой-то момент зерно перестанут продавать даже самые жадные торговцы. Потому что золото нельзя есть! Скотоводы-орки особенно уязвимы перед подобным сценарием. Уже сейчас недовольные шестилапы рыщут по степи в поисках сочной травы, а что будет дальше, когда та окончательно пожухнет? Чем ха'ора будут кормить свои стада?

Что через год будут есть сами орки, после того как весь свой скот пустят под нож? Идти войной на соседей, чтобы добыть пропитание и уменьшить число голодных ртов? Что ж, вариант. А К'ирсан Кайфат предлагает второй, гораздо более разумный...

Нет, нет у орков выбора. Что бы там этот хрыч ни изображал! Минош едва заметно улыбнулся и переглянулся с Легруном. Тот осторожно кивнул.

– Кстати, у нас есть небольшое дополнение. Если желающих послужить государю Западного Кайена окажется много, то число легионов можно увеличить до четырех... или даже пяти, – добавил свой гильт Минош. – Если такая ноша окажется казне короля Кайфата не по силам, эльфы Ночи протянут ему руку помощи.

– О, я смотрю, вы, Длинноухие, с этим человеком связываете большие надежды! – удивился Верховный шаман.

– Скажем больше, именно мы помогаем королю искать большегрузные суда для перевозки платы за ваш будущий наем. И это наш флот будет сопровождать караваны в Темном океане, – сообщил Легрун немного снисходительно и добавил: – Мой народ любит помогать нуждающимся...

– Да не иначе! – не выдержал стоящий за спиной шамана вождь и загоготал. Остальные его поддержали, словно недоносок здорово пошутил.

Эльфы ответили кривыми ухмылками.

– Ладно, подумаем мы над предложением вашего человека... крепко подумаем, – объявил наконец старый шаман, поднимаясь с пола. Выдернул из руки Легруна бумаги и направился к выходу из шатра, уже на пороге остановился и через плечо бросил: – Удивительное дело, две седмицы назад к нам на огонек заглядывали Длинноухие из Маллореана, теперь вот вы... И все хотят наших воинов. Редкое единодушие для «старшей» расы. – Слово «старшей» орк едва ли не выплюнул. Небрежно махнул лапищей и вышел наружу. Остальные потянулись следом.

М'Ллеур остались одни.

– Светлые, значит... – задумчиво протянул Минош. – Интересно, это сородичи большой поход против тварей Бездны собирают или еще зачем?

– Да какая разница? Для чего бы им орки ни понадобились... Чем меньше их у наших границ, тем лучше. Если же они и предложение Кайфата примут, то можно будет смело снимать с северных рубежей пару полков. При любом раскладе мы в плюсе! – возбужденно зашептал Легрун. – Еще бы твоя затея с увеличением числа наемников выгорела...

На это Минош лишь пожал плечами. Ему тоже было интересно. Особенно если вспомнить об истинной причине того, почему он предложил увеличить численность запрошенных орков. Пять легионов – это почти двадцать тысяч бойцов против примерно пяти тысяч солдат К'ирсана Кайфата. В истории уже бывали случаи, когда наемников становилось много больше собственных войск властителя. И всегда такое нарушение баланса заканчивалось бунтом. Зачем честно служить, если можно забрать силой?! Слишком велик соблазн, чтобы долго ему сопротивляться...

Минош надеялся, что на этот раз будет так же. Потому как, несмотря на всю пользу от сотрудничества с наглым смертным, ненависть варрека к нему крепла день ото дня. И желание поквитаться с ургским отродьем, чтоб его душу ветры Бездны разорвали, становилось попросту нестерпимым.

* * *

Простые решения – вот тот соблазн, с которым приходится бороться командирам и руководителям всех мастей в любых сложных ситуациях. И не важно, речь идет об экономическом кризисе или охоте на особо злобных убийц, простые решения всегда манят своей доступностью, понятностью и... популярностью у подчиненных. Беспристрастный, осознанный, долгий, часто безуспешный поиск ответов воспринимается как слабость и некомпетентность, а эмоциональный всплеск, игра на инстинктах, наоборот, кажется проявлением решительности и способности ориентироваться в обстановке. И ладно, если последнее выбирают люди обычные, а как быть, если под влиянием чувств судьбоносное решение принимает некто по-настоящему влиятельный и могущественный?

Такие мысли одолевали Айрунга с самого начала операции «Возмездие».

Нападение на Муар стало для всего Нолда даже не катастрофой, а национальным унижением. Самое главное государство на Торне вдруг получило мощнейшую пощечину. Разве можно такое простить или просто оставить без внимания? Все, начиная от забитых пейзажей и кончая Мастерами Магии, жаждали отмщения. Жестокого, кровавого и обязательно скорого. К чему следствие, поиск виноватых, когда ответ и так ясен? Ну а раз все понятно, то зачем тянуть: на корабли и в бой. Единственная заминка, которая позволялась народной молвой, это пауза для выбора цели: куда следует ударить подлого врага, чтобы ему было как можно больнее...

В операции «Возмездие» приняли участие сразу две эскадрильи боевых пузырей: пять тяжелых бомберов, четыре средних и один большой охотник, транспортник и шесть легких разведчиков. На борт летающих судов взошли лучшие боевые маги, сильнейшие практики, а возглавил карательную экспедицию лично Архимаг. И вся эта колоссальная сила направилась к главному порту Тлантоса, его морской жемчужине – городу Гиркалу. Через этот порт Тлантос торговал с Грольдом и Суудом, именно он служил перевалочной базой для всех, кто боялся плыть в Сардуор мимо пиратского Змеиного архипелага и нацелился на Потерянные воды. И именно удар по нему обещал стать для Тлантоса наиболее болезненным.

Око за око, зуб за зуб, город за город!

Айрунг, в качестве личного представителя Магистра Наказующих, оказался приписан к флагману эскадрильи – большому охотнику «Семь Башен». Гораздо символичнее было бы прилететь мстить на «Муаре», но пузырь с таким названием еще десять лет тому назад разбился под Яроградом.

Уже много повидавший Истинный маг присутствовал на совещаниях в штабе, разговаривал с офицерами и с каждым днем все больше и больше мрачнел. Ему совсем не нравился настрой коллег. Потому как они летели в Гиркал не громить военные силы врага, уничтожать инфраструктуру или подрывать экономическую мощь, а безжалостно карать. Жечь все на корню, до самого каменного основания. К смерти приговорили не только порт, но и весь город со всеми его жителями. И Айрунг совсем не желал мараться в подобной грязи. Вот только кто его спрашивал?

...Гавань Гиркала по форме напоминала гигантский вытянутый эллипс. С одной стороны располагались причалы, доки и склады, а с другой – городская

набережная. Для входа в акваторию порта следовало пройти мимо двух сторожевых башен, но они уже лет пятьсот как пустовали, а некогда натянутая между ними цепь теперь ржавела на дне. Гиркал был совершенно беззащитен и ни разу не подвергался нападению лишь в силу особенности своего географического положения.

Воздушный флот Нолда появился в районе порта ближе к вечеру, когда Тасс уже медленно клонился к горизонту. Пузыри шли двумя эскадрильями, используя классическое атакующее построение. Сначала под чарами невидимости летели разведчики. Раскинув сети артефактных чар, они мелким бреднем прочесали территорию Гиркала, выискивая приоритетные цели: стационарные метатели, башни магов и заклинательные площадки, армейские посты и арсеналы. А обнаружив – передавали их координаты через амулеты связи в штаб. Следом скользили охотники, чьей задачей было уничтожение наиболее опасных объектов. Работали они точно, бортовые метатели и молниеметы применяли почти ювелирно, подавляя любые, пусть даже только потенциальные очаги сопротивления. Последними летели бомберы, вываливая на противника всю запасенную в трюмах дрянь: алхимические бомбы, одноразовые артефакты и баки с жидким огнем. Эти били куда попало, норовя накрыть как можно большую площадь.

И все бы хорошо, да только нет и не было в Гиркале достойных целей для столь мощной атаки. Если не считать за таковые казармы городской стражи и несколько опорных пунктов портового патруля. Колоссальная сила, предназначенная для уничтожения эшелонированной обороны врага, была слишком велика для насквозь гражданского объекта.

А ведь это была лишь первая фаза операции!

После второй волны бомбардировки наступало время десанта. Транспортники и охотники за считанные минуты высадили на окраине порта полторы сотни подготовленных бойцов, увешанных артефактами и амулетами, и три десятка магов-практиков во главе с самим Архимагом. Им предстояло завершить то, что не смогли сделать удары с воздуха. Правда, на фоне разрастающихся пожаров и жирного черного дыма, уже затянувшего полнеба, затея с высадкой армейцев выглядела бессмысленной.

Айрунг покинул борт пузыря сразу за охраной льера Виттора. Форсить, как некоторые, не стал и вместо планирования на Крыльях Ветра

воспользовался штатным левитирующим артефактом. На точности посадки это никак не сказалось, зато оставляло простор для манипулирования защитными чарами. Все-таки Айрунг до последнего верил, что хоть какую-то видимость сопротивления Тлантос окажет и, прозевав налет, встретит огнем хотя бы десант. Но, как оказалось, зря боялся. Ни в воздухе, ни после приземления в сторону холмов не прилетело ни одного плетения, ни одной стрелы или снаряда метателей – ничего.

Рядом с Айрунгом с руганью плюхнулся льер Нестер, коротким импульсом Силы погасив инерцию. Они приятельствовали со времен памятной кампании против пиратов Змеиного архипелага, которая впоследствии трансформировалась в защиту Гамзара от нашествия монстров. И участие бывшего моряка, а ныне младшего офицера десанта, стало едва ли не единственным светлым пятном во всей этой затее с наказанием Тлантоса.

– Дерьмо тарка, никогда не думал, что добрым словом буду вспоминать атаку Головы Змеи, – объявил льер Нестер, зло сверкая глазами. – Там нам хоть и досталось, мать нашу Кали так и перетак, но зато не было чувства, что мы избиением младенцев занимаемся. Тут же постоянно себя не честным магом ощущаю или там воином, Илима мне в корму, Света, а самым что ни на есть карателем времен Эпохи Войн.

– Ты бы не орал так. Заподозрят в неблагонадежности – можешь забыть о карьере! – шикнул на приятеля Айрунг. Он неплохо представлял, как работали службы дознания, и знакомства с ними боевому товарищу, который не раз прикрывал ему спину, не желал.

– Да пошли они в... – Льер Нестер разразился чередой сочных эпитетов, но голос понизил. И на Архимага, стоящего в отдалении в окружении коллег, покосился с большой опаской.

Айрунг понимающе покивал и хлопнул приятеля по плечу.

– Все верно сказал. Только далеко пойдут не они, а мы со своим мнением! – сказал он, криво ухмыльнувшись.

Очередную порцию ругательств льер Айрунг не услышал: прозвучал приказ сформировать Малый Круг, и резко стало не до болтовни. Виттор желал

немедленно увеличить свою и без того великую Силу, сплавив воедино могущество менее искусных коллег.

Его помощники, постоянно сверяясь с записями, с помощью жезлов Силы уже сноровисто строили неправильный шестнадцатигульник, вписывая в него печати, руны, размечая астральные якоря и привязывая к чертежу многочисленные накопители. Полным ходом шла подготовка к заклинанию такой сложности, с какой Айрунгу доселе еще не приходилось сталкиваться. Более того, он даже понять его предназначение не мог, быстро запутавшись в линиях и знаках. Нестер, судя по недовольному бормотанию, испытывал схожие трудности.

Общее непонимание задуманного действия не помешало магам взять фигуру в круг, перебросить друг другу мосты для обмена энергией и затянуть несложное, но утомительное заклинание. Необходимость раствориться в общем потоке Силы и требования к концентрации не оставляли никакой возможности для отвлеченных мыслей. И Айрунг целиком сосредоточился на своем участке плетения. Нет, он конечно же ощущал, как уходит его Сила, как диктат чужой воли заставляет его магию создавать непривычные конструкции и принимать неизвестные энергоформы, но куда и с какой целью из него выкачивают энергию, понять не мог. И ладно волшба, он не видел, что творится вокруг!

Распад Круга произошел неожиданно. Еще секунду назад Айрунг выдавливал из своего Дара последние крохи энергии, как вот уже связь разорвана, а он сам валится на землю, обессиленный. Семя Кали, он дважды стоял в Круге для льера Бримса и оба раза уходил из заклинательного зала на своих ногах. Как вдруг такой сюрприз. И не важно, в чем причина – в сложности создаваемых Архимагом чар или в его способности досуха «выпить» всех доверившихся ему коллег – этот факт в докладе для Магистра Наказующих Айрунг обязательно отметит.

Найдя взглядом в центре колдовской фигуры льера Виттора – маг стоял к нему спиной, воздев над головой архаичный посох, – Айрунг покачал головой. Кто бы мог подумать, что из верного последователя он когда-нибудь превратится в человека, который не чурается доносов. И это с его-то представлениями о чести...

– Полюби меня тролль! – донеслось до Айрунга, разом вернув на землю. Помянув мархуза, он повернулся к Нестеру и почти сразу услышал: – Да ты не на меня,

ты туда смотри! – рявкнул товарищ, для верности ткнув рукой куда-то вверх и в сторону.

Айрунг перевел взгляд и вновь выругался. Высоко в небе огненные росчерки и вихри Силы закончили «рисовать» похожий на паутину узор, в центре которого уже зарождался водоворот портала на стихийные планы. Если он ничего не путал, то сейчас им всем предстояло стать свидетелями применения полузабытого и насквозь запретного Метеоритного Дождя. Заклинания, которое обещало гарантированно уничтожить не то что полуразрушенный порт, но и весь город...

На миг сердце царапнул страх попасть под удар взрывной волны. Полностью опустошенный, имея при себе лишь легкие защитные амулеты, Айрунг подобного бы точно не пережил. Но тут знакомо загудели сферы Птолемея, накрывая магов и собравшихся вокруг солдат охраны сразу двумя куполами защиты, и он немного расслабился. Еще мелькнула мысль, что у жителей Гиркала такой защиты нет, но ее Айрунг немедленно задвинул на задворки сознания. Не его вина, что им уготована столь страшная судьба. Город – жертва политических амбиций и людских ошибок, а еще... еще он иллюстрация личной мощи одного чародея. Который, убив тысячи врагов, ужаснет, воодушевит и перетянет на свою сторону сотни новых сторонников, затмит мрачную славу льера Бримса. И последнее соображение показалось Айрунгу особенно важным.

Но тут раздался чудовищный грохот, земля дрогнула, и все размышления в который раз пришлось отложить на потом...

...Пришел добрый король, король – Тассов свет, прогнал злых господ, приструнил жестокосердных магов, наказал ленивых чинуш, и пролилась тогда на народ благодать Оррисова. В реках потекло ралайянтское вино вместо воды, друлы уродились размером с детеныша тирра, а дороги усеяли полновесные фарлонги. Но не вынесли завистливые соседи счастья людского – козни стали строить, убийц подсылать да смутьянов. Не выдержал добрый король такой несправедливости, собрал войско и двинул на недругов. Год война шла, другой, пока не победил милостивец всех врагов и не приросла страна землей вдвое...

Фрагмент народной гарташской сказки, описывающий приход к власти короля Давира Жестокого, иногда называемого Испепелителем, и последовавший за ним период захватнических войн. Из книжного собрания Зельда Джугского

...Муссируемые в настоящее время слухи о причастности Нолда к уничтожению Гиркала теперь уже безо всякого сомнения можно считать доказанным фактом. Личное участие Архимага, конечно, под вопросом, но то, что жгли город и порт именно Истинные, известно совершенно точно. Сейчас нолдцы пытаются оправдать свою жестокость местью за Муар, но... уважаемые читатели, вы правда верите, что базу флота самой могучей страны мира разгромил сказочный лич? Я – нет! А потому на повестке дня два вопроса: зачем на самом деле островитяне уничтожили самый крупный в Благоственном океане порт и какое преступление они замыслили следующим...

Отрывок из статьи в газете «Новости Равеста». Личности автора и заказчика текста установить не удалось

Моя вера тверда, и нет в сердце страха, прими мою службу Тебе и дай врага, достойного славы Твоей! Моя вера тверда, и нет в сердце страха...

Ранний вариант воззвания к Владыке рядовых воинов ордена, не посвященных в мистерию. Относится к периоду становления ордена Владыки

Глава 1

Галерею между главным зданием дворца короля Западного Кайена и его южными пристройками восстановили совсем недавно, меньше сезона назад. Эта часть резиденции монарха сильно пострадала во время штурма Старого Гиварта и последующей схватки К'ирсана Кайфата со змееной марионеткой Спящих. Лишь теперь удалось вернуть ей былую красоту. Белоснежные потолки, бежевый окрас стен, ковровые дорожки на дубовых полах и сплошной ряд окон, буквально заливавших помещение светом. Здесь же нашлось место и для коллекции картин из запасников дворца. Запущенный в свое время Терном слух о принадлежности К'ирсана к старой династии и его родстве с Опуром Третьим требовал подтверждения, а потому теперь на любого посетителя галереи с осуждением взирали царственные «предки» нового монарха.

В этой части дворца К'ирсан бывал редко, да и то лишь когда ему требовалось добраться до потайного выхода в одной из пристроек. Обычно его сопровождали несколько телохранителей, но сейчас рядом шагал один лишь Терн. В порт Старого Гиварта прибыл торговый корабль из Тлантоса, привезя целый ворох слухов и новостей о происходящем в мире. И они оказались настолько удивительными, что взбудоражили даже обычно равнодушного к таким вещам Согнара.

– Нет, ты только представь: сначала какая-то непонятная сила, то ли нечисть, то ли демоны, а может, и вовсе боевые маги, разносит вдребезги Муар... Хотя тут нет ничего удивительного: Нолд давно напрашивался на хорошую оплеуху!.. Затем уже Нолд идет громить такой же порт, но уже в Тлантосе. И единственное, о чем все гадают, это удовлетворятся ли республиканцы одной атакой или же ударят еще по какой-нибудь цели! – выдал на одном дыхании генерал кавалерии.

– Что тебя так поразило? Полот Нолд сжег, и ничего, никаких последствий не было, – пожал плечами К'ирсан. – Почему ты думаешь, будто сейчас будет иначе? Тогда хоть Поднебесная голос подала, сейчас же... Пфф!

– Не скажи, – замотал головой Согнар. – Одно дело в рамках Объединенного Протектората «нецивилизованные» народы резать... Подумаешь, варварам кровь пустили! Светочам культуры и не такое позволительно... И совсем другое дело – разгромить без суда и следствия пусть не представителя сил Добра, но члена семьи «великих» наций.

– А это все звенья одной цепи. Пока есть хотя бы видимость международных законов, пока они худо-бедно работают, мир находится в равновесии. Но стоит кому-то плюнуть на условности и начать поступать, как ему вздумается, возникает хаос. Пусть не сразу, потихоньку, но система ломается. И со временем становится все хуже и хуже. Мир катится в ад, где нет ограничений и есть лишь право сильного... – скривился К'ирсан. – И проблема даже не в том, что не получивший укорот нарушитель начинает наглеть, гораздо хуже, что он становится примером для подражания. Потому как если можно одному, почему нельзя другому?! Как говорят в Залимаре: «Джинн выпущен из бутылки», и назад его не загнать!

– Светлый Оррис, от кого я слышу такие речи! – зафыркал Терн. Покосился на короля – не обиделся ли, после чего добавил: – Да простит меня твое

величество за наглость.

К'ирсан криво усмехнулся и шутливо погрозил пальцем:

– В нашем случае надо говорить не о праве сильного, а скорее о долге сильного. Мишико настолько разрушил государство, продался всем, кому только возможно, что мятеж был вопросом времени. Не будь меня, появился бы кто-то другой. Рано или поздно, – пояснил он. – Я не о том пытаюсь сказать. Вот представь страну, где правит не монарх, а выбранный на какой-то срок правитель...

– Не могу, – замотал головой Терн. – Не может такое государство существовать. Любой временщик будет работать либо на свой карман, либо на свой образ в глазах толпы. До реальных проблем ему дела не будет!

Кайфат не стал вдаваться в тонкости народовластия и, чуть поморщившись, кивнул.

– Но ты все-таки представь, – попросил он. – Государство с устоявшейся системой законов, выстроенным механизмом смены власти, какой-никакой вертикалью управления и прочей атрибутикой. И вот в этой стране народ вдруг решил, что правитель плох. Но ждать выборов не стал и вышел на баррикады...

– Народ вышел? – удивился Терн. – Или кто-то с тугой мощной и хорошей командой бойцов-революционеров его вывел? – Приосанился и добавил: – Как у нас было...

– Не важно! – сказал К'ирсан раздраженно. – Главное, протест удался. Правитель свергнут, система сломана, и закон один раз был нарушен. Как думаешь, новая власть будет устойчивой? Или, как только она разонравится, вместо выборов снова устроят мятеж?

– Ответ очевиден. Будет второй мятеж, третий... пока все не закончится расколом и гражданской войной, – пожал плечами Терн. Потом вдруг вздрогнул и напряженно уставился на К'ирсана. – погоди, ты это к чему... Думаешь, в нашем случае все так же закончится?!

Кайфат устало вздохнул и, успокаиваясь, принялся гладить Руала по спинке.

– Забудь про нас. Пока у меня не появится наследник и верные силы, способные посадить его на трон даже в мое отсутствие, король К'ирсан Кайфат будет считаться диктатором, но никак не родоначальником новой династии и настоящим монархом. Разговор о другом, о Нолде и нарушении им основополагающих законов, – сказал К'ирсан наконец. – Да, мир несправедлив, да, Истинные всегда позволяли себе слишком много такого, что было непозволительно другим. Но сейчас они не нарушили законы, они сломали механизм системы, краеугольным камнем которой сами же и являлись. Они первые, кто так нарушил их собственные правила, но не последние. Сначала без оглядки на других начнут действовать члены Протектората, затем, когда контроль «цивилизованных» над Торном ослабнет, свое слово скажут «варвары». И начнется череда местечковых войн, плавно трансформирующаяся в очередное глобальное противостояние...

– Война-а... – протянул Согнар, выхватив из королевской речи, на его взгляд, главное. – То есть ты ждешь войну. И тот же прорыв Бездны в Зелоде всего лишь один из ее эпизодов... – Терн совсем не аристократически шмыгнул носом, поправил сбившиеся ножны с мечом и вдруг заговорщицки наклонил голову к Кайфату. – Про право сильного я понял. А когда мы дорастем до того, чтобы им воспользоваться, а?

К'ирсан не выдержал и рассмеялся.

– Всему свое время, Терн, всему свое время! – сказал он с чувством. – Сейчас надо заниматься гораздо более мирными вещами.

– Слова настоящего Защитника, – вспомнил Терн нелюбимое К'ирсаном прозвище, еще времен войны за престол Западного Кайена. Сейчас о нем уже немного подзабыли, но в разговорах нет-нет да и всплывало.

Беседа ненадолго прервалась. Миновав галерею, они вышли на лестницу, спустились этажом ниже и, попетляв по коридорам, остановились перед караулкой, за которой уже располагался нужный К'ирсану выход из дворца.

– Кстати, твое величество, потрясен. До самого конца не верил в последние твои затеи, а зря! – вдруг сказал Терн. – Гномы уже в Старом Гиварте, ударными

темпами отстраивают в Нижнем городе свою слободу и скоро возьмутся за выполнение королевского заказа. Орки еще не прибыли, но караван к ним уже формируется, а на юге для них строятся военные лагеря. Мало того, флотилию судов к этим дикарям при переходе через Темный океан будут сопровождать корабли М'Ллеур. – Согнар с непонятым выражением лица посмотрел на своего короля и друга. – Могу ошибаться, но еще не бывало такого, чтобы кому-то из королей Сардуора соглашались служить представители аж трех народов нелюдей!

Последняя фраза давнего приятеля сильно смахивала на лесть, что несколько расстроило К'ирсана. Терять друга и получать еще одного придворного лизоблюда, которых и без того развелось немало, ему совсем не хотелось. С Терна мысли перескочили на причину, из-за которой Кайфат оказался неподалеку от черного входа во дворец, и он посмурнел.

Но, видимо, и он и Согнар мыслили одинаково.

– Хфургова мать, командир! А куда это ты собрался? – воскликнул Терн, только сейчас обратив внимание на «походную» одежду государя. – Когда меня с собой позвал, я решил, что ты нечто вроде внезапной инспекции дворца задумал. Но как-то теперь сомневаюсь...

К'ирсан вздохнул и исподлобья посмотрел на Согнара. Поколебавшись немного, достал из сумки на поясе аккуратно свернутое письмо и сунул в руки старого друга.

– Читай последний абзац, – приказал Кайфат.

– Ну-ка, – азартно пробормотал Терн и забегал глазами по строчкам. – Ага!.. «Это десятое, последнее письмо. Наверное, Вы считаете меня слишком назойливой... не зря же я до сих пор не получила от Вас ответа, но... мой король! Все то, что писала ранее и пишу сейчас, – правда! Быть может, для Вас то время, проведенное вместе, всего лишь эпизод в бурной и опасной жизни, однако для меня все иначе и потому молю о новой встрече. Не хочу ни к чему принуждать и смиренно приму отказ, но... если я хоть что-то значу для Вас, то приходите по адресу...» Что?! – Терн не скрывал потрясения. Бросив на задумчивого К'ирсана быстрый взгляд, он перечитал возмущившие его строчки и продолжил: – «Что в Новом Гиварте. Где буду трепетно Вас ждать две

седмицы. С надеждой и страхом в душе и сердце, всегда Ваша, Мелисандра Балтусаим».

Согнар смял письмо в руке и замер, явно подбирая слова.

– Командир, это же... та самая Мелисандра, да? – Дождавшись кивка, Терн скривился, как от кислого друла, и выдохнул в сторону: – Хфургово семя! Чтоб мне мархузом переродиться... – Резко повернулся к королю и требовательно спросил: – Ты понимаешь, что это ловушка?! Расставленная специально на К'ирсана Кайфата... И даже не надо гадать, кто заказчик. Тогда в Ралайяте все тоже началось с этой Мелисандры, а закончилось нападением Светлых эльфов и твоей... твоей смертью. Сейчас все повторяется, только теперь Гхол уже не сможет тебя воскресить.

К'ирсан поморщился от резких слов друга, но одергивать его не стал. На месте Терна он говорил бы то же самое, быть может, только в более жестких выражениях.

– И Мелисандра та самая, и насчет того, что это ловушка, не сомневаюсь, – сообщил он устало. – Но и оставить все как есть тоже не могу. Отношения с халине слишком важны для меня, чтобы отмахнуться от ее просьбы. Тем более когда по непонятным для меня причинам остальные письма так задержались в пути...

– Клянусь задницей Кали, все зло от баб! – прорычал Терн, однако взял себя в руки и уже спокойнее уточнил: – Их действительно десять?

– Да, и на всех печати нолдской курьерской службы, славящейся скоростью доставки посланий адресату. – К'ирсан приподнял разомлевшего Руала на уровень лица и дунул зверю в нос. После чего медленно поднял глаза на Согнара и сказал: – Нолд определенно как-то замешан в данной истории. И это еще одна причина, по которой хочу встретиться с Мелисандрой.

– Ладно, дома ты двойника оставишь, но как быть с ловушкой... – Терн уже понял, что решение короля окончательно, и пытался возражать лишь по инерции. – Да и до Нового Гиварта сначала еще надо как-то добраться. Повторить прошлую поездку по сопредельным странам может и не получиться!

– Кто предупрежден, тот вооружен. Безопасностью займется Храбр со сводным отрядом из Шипов, моих телохранителей и пары лучших бойцов клана Серебряной луны. Да и сам я зевать не буду... – фыркнул К'ирсан. – Что до риска вляпаться в неприятности на земле соседей, то, чтобы избежать этого, в Восточный Кайен полечу на пузыре. Его фрахтом занимались ханьцы.

Аргументы у Согнара закончились, и он замолчал. Впрочем, Кайфат и не ждал иного: несмотря на их дружбу, его генерал кавалерии прекрасно знал границы, за которые не следовало заступать, и вряд ли рискнул бы по-настоящему спорить со своим королем. Вообще этот разговор потребовался К'ирсану, наверное, лишь для того, чтобы поделиться с кем-то отзвуками той бури, что бушевала в его душе после прочтения писем. Да, он король и маг, отправляющий людей на смерть и сам заглядывающий за грань, он не страшится ни Истинных, ни Длинноухих, не боится идти против всего мироустройства, но даже ему... мархуз побери, даже ему иногда требовалось поделиться с кем-то своими мыслями и чувствами. Особенно если они касаются единственной женщины, которая хоть как-то смогла тронуть его сердце. Тяга к Мелисандре была как болезнь, которая на фоне каждодневных забот вроде и не беспокоит, но стоит о ней один раз напомнить, и забыть уже не получается.

– Повторюсь, риск есть, но... по-другому поступить не могу. – К'ирсан хлопнул друга по плечу и, прежде чем войти в караулку, сказал: – И да, ты и Мокс опять за главных: мага я уже предупредил. Так что присмотри за Янеком в мое отсутствие!

Кайфат ободряюще подмигнул мрачному другу и скрылся за дверью. Что случилось дальше, он уже не видел и не слышал...

* * *

– Проклятье! – рявкнул Согнар и врезал кулаком в стену, едва тяжелая створка бухнула по косяку. – Проклятье, проклятье!!!

Он добавил бы много чего еще, но привычка держать язык за зубами при обсуждении любых тем, хоть как-то касающихся его властного и, честно говоря, пугающего сюзерена, не позволила воспользоваться богатым запасом ругательств. А так хотелось... Потому что впервые на его памяти холодный и рассудительный К'ирсан Кайфат пошел на зряшный риск.

– Это, конечно, не мое дело, но, может, не стоит так огорчаться? – внезапно раздалось за спиной, и Терн молниеносно развернулся к появившемуся из плохо освещенного коридора Мигулю Шесть Струн.

– Подслушивал, менестрель?! – воскликнул он.

– Так получилось, – самую малость смутился Мигуль. – Я часто брожу по дворцу, так легче думается, и совершенно случайно услышал ваш разговор...

Терн выругался и едва сдержался, чтобы не сплюнуть. Случайно, как же... Пройдоха почище Щепки! Но скандалить не было никакого желания, и он промолчал.

Однако Мигуль не считал разговор оконченным.

– Продолжая тему, хочу сказать, что... не надо так переживать из-за решения короля. До сего дня он если и позволял себе сумасбродные поступки, то не в ущерб трону и государству, – сообщил он задумчиво. – И вообще, нам стоило бы переживать, если бы он не интересовался женщинами...

И тут Согнара прорвало.

– Не интересовался?! Да только за последний год у него этих хфурговых баб столько было, что диву даешься. Сотни раз видел, как из его комнат то смазливые служанки тайком убегают, то настоящие дворянки с шальными глазами и в растрепанной одежде выскальзывают. Вопрос не в желании идти на риск ради обладания какой-то женщиной, а в личности этой самой женщины! – выдал Терн, почти крича.

Мигуль на этот всплеск эмоций лишь поморщился и с намеком продекламировал:

О легендах, о сказках, о мигах:

Я искал до скончания дней

В запыленных, зачитанных книгах

Сокровенную сказку о Ней.

Об отчаяньи муки напрасной:

Я стою у последних ворот

И не знаю – в очах у Прекрасной

Сокровенный огонь или лед.

Терн раздраженно махнул рукой.

– А, да с кем я говорю... С менестрелем! У вас вечно одни любви да страдания на уме, – пробормотал он.

– Ты не понял, генерал, я сейчас не восхваляю порыв короля, а пытаюсь сказать, что могло быть и хуже, – мягко пояснил Мигуль, сдернув с плеча небольшую гитару и начав непринужденно пощипывать струны.

– Куда уж хуже-то?! – удивился Терн.

Мигуль вздохнул и с улыбкой посмотрел на лин Согнара.

– По крайней мере, его величество не поддался чувствам и сохранил холодный разум. Представь, что государь бросил все, без охраны и верных спутников, просто рванул на встречу со смазливой девчонкой. История знает немало подобных случаев...

Фантазия Терна оказалась достаточно богатой, чтобы в красках представить описанную Мигулем картину. И он вместо ответа выдал короткое:

– Спаси нас Светлый Оррис от такого!

* * *

Нанятый кланом Серебряной луны пузырь прибыл в столицу Восточного Кайена через четыре дня после вылета из Старого Гиварта. Относительно новый

двигатель и попутный ветер сказались на скорости, так что в город Кайфат прилетел даже с опережением намеченной даты. К тому же капитан не стал мудрить с маршрутом, и воздушный корабль двигался почти по прямой – через юг Зарока и Саурмы, зацепив самый краешек Стеклоанной пустыни. К'ирсан смог своими глазами увидеть место сражения легендарных Древних магов, превративших центр материка в проплешину спекшегося от нестерпимого жара песка.

Сам полет Кайфат воспринял как отпуск. Он и здесь, конечно, работал с бумагами, но уже без фанатизма, не забывая про сон и отдых. Не повлияла на него и причина, по которой он покинул Старый Гиварт. Любовь любовью, но разум его оставался незамутненным, а воля была тверда как камень. Сделав непростой выбор, предпочтя личные чувства целесообразности, дальше он двигался с привычной для короля-мага решимостью, не отвлекаясь на посторонние мысли.

Сообщать охране истинные причины поездки в самый богатый город Сардуора он не стал. Достаточно того, что об этом знает Терн. Храбру и его людям К'ирсан выдал иную версию событий, согласно которой он должен встретиться с одной влиятельной персоной, возможно находящейся под «присмотром» эльфов. В свете чего в задачу командира Шипов входила не абстрактная защита Кайфата, а противодействие конкретной угрозе. Объяснять, за каким мархузом правитель Западного Кайена так рискует, да и вообще, чем так важна встреча с «влиятельной персоной», он, разумеется, не стал. А Храбр, единственный, кто мог задать такой вопрос, промолчал. И не понять, то ли он начал доверять своему королю, то ли снова хандрил, вспоминая тот случай в Зароке...

В Новый Гиварт воздушный корабль прибыл сразу после обеда. Густые облака не позволили издали полюбоваться знаменитыми на весь Сардуор шпилями восьми причальных башен, но К'ирсан ничуть о том не жалел. Он все разглядел еще в прошлое свое посещение города и потому не надеялся увидеть что-то новое. Пусть он был тогда рабом, но любоваться видами ему никто не запрещал.

Обслуга едва успела подвести трап к пришвартованному пузырю, как К'ирсан тут же покинул судно. Перебежал по узкой доске на площадку для приема пассажиров, выскочил на лестницу и принялся торопливо спускаться к подножию башни. Охрана не отставала. Лишь в самом низу, у таможенного поста, где местный чиновник потребовал у новоприбывших дорожные листы, Кайфат пропустил вперед Храбра. Все бумаги были у него, и именно в его

обязанности входило общение со всякими бюрократами. У бывшего главаря бандитов лучше прочих получалось врать и давать взятки. Так что если бы кто-то смутили подложные документы или сторожевые артефакты среагировали на прикрывшую К'ирсана иллюзию, именно ему пришлось бы принимать основной удар на себя.

Но обошлось. Их никто ни в чем не заподозрил, в начинающем «купце» Кайфате никто не узнал короля, и они невозбранно покинули башню.

– Так, парни, пора за работу, – объявил К'ирсан, едва здание одного из восьми воздушных «вокзалов» Нового Гиварта оказалось за спиной. – Время есть, но и успеть нам надо многое... Чернав! – Он повернулся к толстому, почти круглому мужику с вечно брезгливо выпяченной нижней губой – единственному представителю ведомства Щепки в команде Кайфата, и сунул ему в руки клочок бумаги. – Подними все свои контакты с «ночной» гильдией, но узнай, что творится в городе. Особое внимание удели окрестностям этого дома... Теперь ты, Храбр. Пошли пару бойцов – кого-нибудь из своих с одним ханьцем – по тому же адресу. Пусть посмотрят, что там и как, особенно на предмет возможных ловушек и маршрутов отступления.

– А остальные? – подал голос командир Шипов.

– А остальные будут ждать. И ждать в комфорте и уюте, – выдал К'ирсан с усмешкой и уверенно направился в сторону гостиницы «Приют короля». Во времена рабства у Дарга внутрь их даже не пустили, сочтя недостойными столь славного заведения, и теперь Кайфату было любопытно, изменилось ли что-то за эти годы.

Как оказалось, изменилось. Плата за комнату выросла с одного фарлонга до фарлонга и двадцати келатов, а К'ирсана при входе встретил расфуфыренный лакей в дорогой ливрее, сразу же признавший в нем богатого клиента.

Вся команда заняла три номера, и началось долгое ожидание новостей от отправленных на разведку людей. Но если для Храбра и его бойцов это были обычные будни по охране Кайфата, то для самого короля время стало подобно патоке, которая тянулась и тянулась, выматывая душу. Близость к цели все-таки пробила броню невозмутимости К'ирсана и заставила пусть немного,

но нервничать. Беспокойство передалось и Руалу, который принялся нарезать круги по комнате, что-то возбужденно пища. В какой-то момент король-маг уже начал прикидывать, а не послать ли на рекогносцировку зверька, предварительно установив с ним ментальную связь, но тут в комнату вошел Храбр, и авантурные планы были отброшены.

Разведка оказалась на диво результативной. Агент из ведомства Чиро Кунише по криминальным каналам узнал сразу о двух съемных квартирах с подозрительными обитателями, расположенных неподалеку от дома, где Мелисандра должна была ждать К'ирсана. По словам членов «ночной» гильдии, в них обосновались две группы бойцов. В город неизвестные прибыли седмицу назад, никому глаза не мозолили, большую часть времени проводя в арендованном жилье, но от внимания воров это их не защитило. Среди охотников за чужими кошельками нашелся умелец, чувствительный к проявлениям Силы, и он первый обратил внимание на странных то ли наемников, то ли бандитов, прикрытых изощренными чарами. «Ночные» и сами уже подумывали о том, чтобы разобраться с неизвестными, но с появлением К'ирсана они с радостью уступали это право ему.

Что до самого Кайфата, то в совпадения он не верил, а потому ни капли не сомневался, по чью душу заявили таинственные гости. Появление же подчиненных Храбра поставило в этом вопросе окончательную точку.

Нарезая круги около места встречи своего короля с «высокопоставленным» лицом, ханец совершенно случайно натолкнулся на прикрытого волшбой прохожего. Тренированная внимательность вкупе с сильной аурой позволили ему заглянуть под колдовской морок, и он узнал в неизвестном зеваче Длинноухого. После чего воин клана Серебряной луны просто проследил за замаскированным эльфом, который привел его по одному из адресов, указанных ворами.

Единственная хорошая новость: в доме, где была запланирована встреча, вот уже седмицу жила одинокая дама откуда-то из Загорного халифата. То ли из Зиккура, то ли из Ралайята – точно неизвестно. Тот факт, что таинственный партнер короля оказался женщиной, Храбр в докладе старался никак не выделять. Однако глаза его выдавали, демонстрируя едва ли не потрясение. Государь собрался рисковать из-за... какой-то красоты?!

– Все-таки ловушка, – по итогам доклада сделал вывод К’ирсан и с чувством какой-то сосущей пустоты в груди вздохнул.

– Встреча отменяется? – с надеждой спросил Храбр, уловивший изменения в настроении короля, чем моментально привел его в чувство.

– С чего бы это? Наоборот, теперь нет никакой возможности от нее отказаться! – сказал К’ирсан ледяным тоном и зло сощурился. – Надо только как следует к ней подготовиться, благо все потребные инструменты у нас с собой! – И уже спокойнее добавил: – Зови остальных, будем думать...

Для визита к возлюбленной, оказавшейся «сладкой» приманкой в ловушке эльфов, К’ирсан выбрал утро следующего дня. Вызвал извозчика и поехал напрямик по указанному адресу. Остальная команда еще раньше разделилась на три части – две пары с самыми мощными артефактами выдвинулись к подозрительным квартирам, а остальные окольными путями направились к дому халине Балтусаим. Самая сумасбродная операция за всю воинскую карьеру Кайфата началась...

Мелисандра снимала двухэтажный, похожий на игрушечный особнячок, расположенный в двух кварталах от северной причальной башни, что в Верхнем городе. Выглядел он очень... мило, другого слова не подберешь... и совершенно по-женски. Стены из красного кирпича, окна с резными наличниками, крыша из темно-зеленой черепицы, перед домом за низеньким заборчиком – небольшой палисадник с цветами и дорожки из желтого камня. Все такое миниатюрное, изящное, симпатичное и совершенно нетипичное для Сардуора... Халине Балтусаим наверняка пришлось очень постараться, чтобы найти нечто подобное в городе.

А вот К’ирсана архитектурные изыски интересовали лишь в одном ключе: насколько сложно здание в обороне и смогут ли его люди подобраться к нему незамеченными для эльфийских наблюдателей, взгляды которых он нет-нет да и ощущал всей кожей. Если бы сейчас что-то ему не понравилось, он бы незамедлительно развернулся и ушел. Но пока король-маг был доволен увиденным, все больше убеждаясь, что решение доверить планирование операции Храбру было верным.

Когда он подходил к особняку Мелисандры, его бойцы уже должны были проникнуть в дом напротив, вырубив хозяев сонными зельями, а другие занять позиции в подъездах домов на соседней улице, чтобы в нужный момент с помощью артефактов атаковать квартиры с Длинноухими. И раз К'ирсан не слышал никаких посторонних звуков, вроде взрывов, криков и звона мечей, пока все шло как должно. Вторя его мыслям, запястье с надетым браслетом связи дважды кольнуло: так Храбр сообщал об успехах первой фазы их плана.

Что ж, похоже Перворожденных выроdkов сегодня все-таки ждет сюрприз! К'ирсан хищно ухмыльнулся и толкнул калитку, проходя во двор. Но пора забыть на время о заклятых врагах и вспомнить о том, зачем он сюда пришел. Мархуз побери, все-таки Кайфату предстояло свидание с женщиной, которая давно и прочно поселилась в его сердце, которую он не видел почти пять лет и которую не мог забыть, несмотря на все свои старания. С единственной женщиной, которую он любил и по-настоящему желал!

Сердце помимо воли забилось чаще, все тело охватило какое-то возбуждение и... предвкушение. Чтобы взять себя в руки, ему даже пришлось ненадолго погрузиться в Сат'тор, растворив в пустоте лишние эмоции. Стало легче, но надолго ли?

К'ирсан сам не заметил, как проскочил двор, и лишь у самых ступенек сбавил шаг, чтобы приказать Руалу спрятаться в цветах. Едва зверек скрылся из глаз, как король снял с себя иллюзию, взбежал на террасу и дернул за веревку дверного колокольчика. Раздался мелодичный звон и почти сразу тихий стук каблучков. Створка распахнулась, и Кайфат увидел свою халине.

Мелисандра изменилась мало. Все такое же юное лицо, точеная фигурка и манеры светской дамы, но вот взгляд стал немного другим. Более зрелым, циничным, оценивающим и где-то даже злым, но в глубине глаз все так же плясали искорки затаенного интереса. А может, чувства?

Все эти мысли галопом пронеслись в голове К'ирсана, прежде чем он обратил внимание на облик хозяйки дома. Вечно юная халине была одета в закрытое зеленое платье с разрезом на бедре, безумно похожее на то, в котором она была в прошлую их встречу, и опять распустила волосы.

– Ты похожа на лесную дриаду! – неожиданно для себя сказал К'ирсан и улыбнулся. Что тогда, что сейчас, именно эти слова первыми пришли ему на ум.

Не забыла их и Мелисандра. Из нее словно выдернули какой-то стержень, и она одним махом из холодной принцессы превратилась в обычную девушку.

Тихонько вскрикнув, халине подскочила к К'ирсану, прижалась к груди и, глядя в глаза, сняла с его лица маску. Чтобы затем провести кончиками пальцев по жутким шрамам, вздохнуть и... впиться поцелуем в губы.

– Ты все-таки приехал! – сказала она, оторвавшись от К'ирсана.

– А разве могло быть иначе? – криво усмехнувшись, ответил Кайфат. В ушах шумело, в крови бушевали гормоны. Простой поцелуй, а эффект как от любовного зелья. Ни с одной из его любовниц такого не было и... не могло быть!

– После того как ты меня бросил и бежал? Вполне... – В голосе Мелисандры появились нотки обиды. Появились и тут же исчезли.

– Такова наша судьба, – мягко ответил К'ирсан, сжимая женщину в объятиях. Он мог многое сказать про проклятого Тимарениса, пусть демоны пожрут его душу, про хфурговых эльфов, про друзей и врагов, но вместо этого пояснил: – Она сводит нас вместе и разделяет непреодолимыми преградами. Мы меняемся, но связавшая нас нить никуда не пропадает. Пусть безымянный раб стал королем, а принцесса – визирем, но чувства... чувства-то остались прежними.

Мелисандра замерла и принялась что-то искать у него во взгляде. Пару ударов сердца, не больше, после чего отступила на шаг и, взяв К'ирсана за руку, сказала:

– Идем!

И потянула за собой. Они стрелой промчались через симпатичную гостиную, задрапированную тканью с растительными орнаментами, затем миновали лестницу с резными перилами, проскочили длинный коридор, увешанный пейзажами, пока не ввалились в огромную спальню. К'ирсан едва успел заметить розовые стены, гобелены с изображениями цветов, гномьи напольные

часы, зеркальный потолок и... гигантскую кровать. Дальше разум окончательно отключился. Он подхватил ойкнувшую женщину на руки и решительно шагнул вперед. Последнее, что отложилось в памяти, это то, как он борется с крючками на платье Мелисандры, а та безуспешно пытается стянуть с него рубашку. Затем – провал, фонтанирующий чувствами и безудержной страстью, которые можно пережить, но никак нельзя описать словами...

– Ты помнишь, как спас тогда меня и эту глупышку Лакристу? – спросила Мелисандра спустя полтора часа, когда он лежал на спине, закинув руки за голову, а она сидела рядом, скрестив ноги по-иссорски, и водила пальчиком по его груди. – От того чокнутого вампира, не боявшегося ни моих артефактов, ни моего телохранителя?

– Конечно... Но если хочешь знать, предполагал ли я, что наше знакомство перерастет в нечто большее, то нет, – усмехнулся Кайфат задумчиво.

Сейчас он испытывал двойственные чувства. С одной стороны, ему еще никогда не было так... хорошо, а с другой – опыт воина и чутье мага в голос вопили о том, какой он тупоумный шестилап, раз позволил себе послать разум в Бездну и отдаться на волю чувств. Говорить при таком настрое совсем не хотелось. И уж точно не хотелось валяться в постели, вместо того чтобы натянуть доспех и взяться за меч.

– А вот я почему-то ни капли не сомневалась, – мелодично засмеялась Мелисандра. – Сразу поняла, что рано или поздно ты будешь моим! Поэтому, когда ты в письме попросил разрешения принять тебя в моем доме в Ралайяте, ничуть не удивилась. Действительно судьба! – Тут мысли женщины перескочили на последовавшие за встречей с К'ирсаном события, она помрачнела и замолчала.

Повисла неловкая пауза, которую Кайфат решил нарушить вопросом:

– Кстати о Ралайяте... Помнится, тогда у тебя здесь была какая-то небольшая татуировка, а теперь ничего такого не наблюдаю, – спросил К'ирсан, погладив любовницу по бедру.

И с удивлением увидел, как у той стремительно краснеют щеки.

– Это была не татуировка, а магическая печать, – сказала Мелисандра куда-то в сторону. В лицо Кайфату она старалась не смотреть. – Печать Альме!

– Никогда не слышал, – пожал плечами К’ирсан. Он многое знал о магии, но с подобными вещами точно никогда не сталкивался. Хотя у своих любовниц татуировки видел не раз. – Что-то женское?

– Да, женское, – с непонятной интонацией ответила Мелисандра. – Эта печать не дает забеременеть... И еще раз да, перед нашим свиданием я ее убрала. – Сделала паузу, а потом грустно улыбнулась и на одном дыхании выдала: – У эльфиек, пусть даже квартеронков, обычно с этим сложно, но у тебя сильная кровь. В результате можно не сомневаться!

Сказала и, решительно тряхнув волосами, вскочила с кровати. На К’ирсана она по-прежнему старалась не смотреть...

Зато король-маг пялился на женщину во все глаза. Она говорит о беременности, что ли?! То есть хочет от него забеременеть?! Перед этим подставив под удар эльфов?! Кали вам всем в тещи, и как это понимать?! Удивление было так велико, что он не удержался и бухнул:

– Это что, такой способ избавиться от угрызений совести?

Пока он лихорадочно собирался с мыслями, Мелисандра успела надеть бежевые шелковые шаровары, заклинанием расчесать волосы и теперь натягивала нечто вроде застегивающегося спереди платья с высоким воротом, разрезами по бокам и множеством застёжек. Вопрос заставил ее вздрогнуть и медленно повернуться к любовнику.

– Так ты все знаешь, да? – спросила она, побледнев.

– О чем? – переспросил К’ирсан. – О том, что ты меня предала? Что стала приманкой в ловушке эльфов? – Он скривился и внешне холодно, хотя внутри его раздирали противоречивые эмоции, бросил: – Да.

– Зачем тогда пришел? – сказала Мелисандра, схватив с туалетного столика небольшой жезл и прижав его к груди.

К'ирсан тут же инстинктивно уронил левую ладонь на меч, с которым он, несмотря на некоторое помрачение чувств, не расстался даже в кровати.

– Я же уже говорил: потому что не мог иначе. – Кайфат пожал плечами.

В комнате повисла тяжелая тишина. Кайфат не знал, да и не видел смысла говорить что-либо еще. Мелисандра же просто молчала, уставившись на К'ирсана. Наверное, прошла минута, прежде чем женщина пошевелилась и с едва слышным вздохом отвернулась от любовника. Провела жезлом вдоль застежек, из-за чего те вдруг ожили и начали соединяться друг с другом, превращая халине Балтусаим в одетую по последней халифатской моде даму. Затем сунула ноги в вышитые бисером туфли с загнутыми носами и... ринулась к выходу из комнаты, когда гномьи часы внезапно издали гулкое «Бом-мм!».

В дверях она вдруг остановилась и посмотрела на К'ирсана. Он к тому моменту уже встал, успел натянуть штаны и теперь возился с шнуровкой на сапогах.

– Разве ты не хочешь отомстить? – спросила Мелисандра. Голос звучал ровно, но губы... губы заметно дрожали.

– Меня вполне устраивает та цена, которую ты решила заплатить за предательство, – проронил К'ирсан, глядя на халине Балтусаим. И зеленый огонь в его глазах разгорался все ярче и ярче, превращая лицо в маску древнего демона.

Внезапно с улицы один за другим донеслись два мощных взрыва, сопровождавшихся сильным выбросом Силы, затем, спустя несколько секунд, чередой гораздо более слабых. Мелисандра вздрогнула и зябко повела плечами.

– Благодарю, это великодушно и... очень по-королевски! – сказала она. Кивнула в сторону окна. – Рада, что не ошиблась и ты действительно готов к встрече с убийцами Маллореана. – Сделала шаг за порог комнаты и вдруг добавила глухо: – Время, которое они нам дали, истекло. Скоро здесь будут воины клана Фек'яр, а потому прошу тебя... убей их всех, ну или хотя бы скольких сможешь. Ты единственная моя надежда покарать палачей, казнивших отца!

После чего раздавила в руке похожий на яйцо амулет, и в тот же миг все окна и дверь, а еще пол, потолок и стены затянула мерцающая паутина чар. Даже

на вид крепкая и способная несколько минут сдерживать удары магии К'ирсана. Что до Мелисандры, то она выкрикнула что-то вроде «если можешь, то прости» и скрылась в глубине дома.

Кайфат, к стыду своему до последней секунды надеявшийся, что Мелисандра одумается и примет его сторону, медленно встал и до боли сжал кулак. Умом он все понимал, с самого начала знал о ловушке и не сомневался в предательстве любовницы, но... мархуз побери, всегда и везде остается место для надежды. И теперь эта надежда умерла! Внутри все как-то сжалось, а вместо бьющих ключом эмоций пришла злость. И даже не столько на Мелисандру, сколько на Длинноухих детей хфурга, уничтожающих все, до чего дотягиваются их загребушие ручонки.

К'ирсан вдруг понял, что сегодня он будет убивать...

На руке завибрировал переговорный браслет, и Кайфат активировал его ментальным усилием.

– Твое колдунство, у нас проблемы! – раздался злой голос Храбра. – Эльфы что-то почуяли и начали уходить из-под удара. Парни ухитрились подложить в их дома две магические мины, но достать удалось лишь одну команду. Да и то были выжившие, которых пришлось добивать «снежками». Вторая ускользнула в городскую канализацию...

Командир Шипов прервался, а до К'ирсана донеслось нечто похожее на грозовой раскат. Король-маг с проклятьями подскочил к окну и сквозь энергетическую завесу увидел, как в доме напротив, где и обосновались его люди, со стен кусками отваливается штукатурка и пластами срывает с крыши черепицу. Все выглядело так, словно внутри оказалось заперто нечто могучее, которое изо всех сил пыталось вырваться наружу.

Внезапно в здании как-то особенно сильно грохнуло, входная дверь вылетела наружу, а вслед за ней на улицу высыпали люди К'ирсана. Два ханьца, Храбр и висящий у него на плече Шип – двое других бойцов остались внутри. Не успели они покинуть дом, как сразу же активировали браслеты и выстроили Стену Щитов... В которую спустя мгновение из покинутого дома ударила ветвистая молния.

– Титьки Кали, командир!!! У Длинноухих был ход в наш подвал. Из дома они нас выбили, и если ты не вмешаешься, то... – ворвался в мысли голос Храбра.

Судя по тяжелому, прерывистому дыханию, он испытывал нестерпимую боль и держался на упрямстве и силе воли. Ну а еще, наверное, на усиливающем амулете из костей демонов, который Гхол сделал для всех офицеров.

К'ирсан его почти не слушал, примериваясь, как бы половчее расколоть артефактную защиту ловушки. Душой он был там, среди своих воинов, убивал ненавистных Перворожденных, и любая помеха лишь распаляла его жажду крови. Но внезапно погрузившееся в Сат'тор сознание затопило предчувствие близкой и смертельной опасности, от которой просто так не уйти. И король-маг вместо того, чтобы атаковать врага, занялся собственной даже не защитой, а выживанием. Благо предусмотрел и такой вариант.

Показанная ханьскими магами методика развития ауры дала свой результат. К'ирсан, который раньше мог «держаться» в неактивном состоянии два не слишком сильных заклинания, теперь замахивался уже на четыре. Правда, сейчас ему столько не требовалось, и перед выходом из «Приюта короля» он разместил в своей энергетической оболочке единственное по-настоящему серьезное плетение – Алмазная Крепость. Все, что требовалось для его активации, – открыть канал в Астрал, добавить энергии собственного источника и влить в заклинание сплав из двух Сил.

Кайфат успел в последний момент. Едва вокруг короля-мага возникла кристаллическая защита, как он оказался в центре буйства Стихий. В К'ирсана полились реки Огня, начали хлестать бичи Воды и Воздуха, а сила Земли принялась вырывать из стен и швырять в него целые куски. Это точно было не заклинание – такое быстро не сотворишь, а подготовленный заранее аркан он бы почувствовал – а значит, Перворожденные, так же как и люди К'ирсана, заложили под дом магический заряд.

Кайфата вертело, крутило, швыряло в стороны и тянуло куда-то вниз. Стены Крепости трещали под ударами враждебной магии, а нарастающее давление отзывалось на короле приступами боли и попытками чар выйти из-под контроля. Но воля... воля ученика Шипящего и Врага Леса была сильнее. А еще, несмотря на мощь атаки, К'ирсан все время ощущал, в каком направлении его люди принимают неравный бой. И это было столь же важно, как и собственное выживание!

Ярость Стихий не утихала, запас сил таял. Вдобавок ко всему К'ирсана вместе с его кристаллической броней затянуло куда-то под землю, а сверху завалило обломками здания. Что грозило в самом скором времени вполне вероятной гибелью. Так что, если он не хотел погибнуть сам и допустить гибель своих воинов, К'ирсану следовало как можно скорее выбираться из-под воздействия вражеских чар.

А вот с этим были проблемы.

Надежность Алмазной Крепости компенсировалась невозможностью изменения ее формы. Эти чары нельзя развернуть в барьер или превратить в небольшой щит, а значит, нельзя совмещать с атакующими заклятиями. Маг, применивший Крепость, должен либо отсиживаться внутри, сжигая свою Силу, либо развеять плетение и контратаковать под ударами противника. Третьего не дано. Вот только о какой контратаке может идти речь, когда ты в эпицентре мощнейшего магического заклинания и завален землей?!

Быстро перебрав и отвергнув множество вариантов, Кайфат не без сожаления остановился на самом рисковом. Сформировав в одной руке два знака Ир'рг, а в другой – знак Ч'жен, он обратился к третьей, хуже всего освоенной, составляющей своего Дара – магии Пространства. К'ирсан почти ничего не знал о приемах и техниках адептов этого направления и опирался лишь на ощущения и интуицию. Отгородившись знаками, он закрутил ткань реальности спиралью и сквозь стенку Алмазной Крепости вытолкнул получившуюся воронку куда-то в сторону сражающихся бойцов. Один раз он уже использовал нечто подобное в бою с На'аг'Леохом и теперь лишь повторил прошлый опыт. Только если тогда чары использовались для удаленной атаки, то теперь искажение пространства стало чем-то вроде проходческого щита гномов. Который перемалывал чужие заклинания, землю и камни, а следом за ним двигался К'ирсан, собственной Силой не дающий обвалиться получившемуся проходу. Стремительно расплзающийся защитный кокон превратился в барьер на пути неистовства Стихий. Он продержался считанные секунды, но их почти хватило для того, чтобы Кайфат успел выбраться из-под воздействия эльфийского артефакта. В момент окончательного распада защитных чар образовалась взрывная волна, которая подхватила короля-мага, и он вылетел из лаза, точно пробка из бутылки гарташского игристого вина.

Уплотнившаяся аура приняла на себя большую часть удара, так что К'ирсан почти не пострадал. Более того, благодаря Сат'тор время замедлило свой ход, и уже в воздухе он успел рассмотреть поле будущей схватки...

Его люди проигрывали. Стена Щитов уже распалась, раненый Шип лежал на бордовой от крови мостовой, а Храбр за спинами ханьцев с искаженным от ярости лицом пытался снова зарядить пружинный арбалет. Оба его артефактных браслета, видимо, были уже разряжены, и в бою с убийцами Маллореана он теперь мог участвовать лишь как стрелок. Вообще командир Шипов был жив только благодаря стараниям воинов клана Серебряной луны. Один из них с помощью своего необычного оружия в виде серпа с цепью весьма сносно отмахивался от эльфийского мечника с двумя саблями, а второй очень ловко совмещал использование защитных и отражающих чар и работу вариацией боевого цепа с длинным древком. Причем оба, как и их противники, сражались, применяя боевой транс и ускорение.

Жаль только, несмотря на все усилия бойцов Кайфата, Перворожденных им было не одолеть. Позади связанных дракой мечников стояла пара магов и готовила добивающий удар, а единственный лучник уже натягивал тетиву со светящейся от убийственных чар стрелой...

Приземлился К'ирсан чуть в стороне от сражающихся. Мостовая больно ударила в ноги, а инерция заставила сделать несколько лишних шагов. Но он не упал, не потерял равновесия, а значит, был готов к драке.

Эльфийский лучник продемонстрировал молниеносную реакцию: мгновенно развернулся в сторону Кайфата и разрядил по нему свой лук. Однако король-маг успел сместиться вправо, так что стрела его не зацепила и лишь вырвала клочок из распахнутой рубашки. В ответ К'ирсан крест-накрест полоснул воздух мечом. С клинка сорвались два сотканых из Силы зеленых полумесяца и... ударили в стоящего неподалеку от стрелка мага. Вспыхнувшая вокруг него защита приняла на себя чары К'ирсана и тут же погасла, исчерпав вложенную энергию. Выстрелившее из ладони Кайфата Копье Силы уже не встретило никакого сопротивления и проделало в груди эльфа неаккуратную дыру.

Минус один.

Лучник, глядя на К'ирсана с неподобающей для Светлого народа злобой, удивительно ловким движением наложил на тетиву сразу две стрелы, стремительно оттянул ее до уха и... снова промазал. Даром что противников разделяло всего несколько шагов, от одной из них Кайфат снова уклонился, а вторую отбил возникшим в левой руке Щитом. И причина подобной ловкости крылась не в каких-то фантастических способностях К'ирсана, к слову потерявшего большую часть сил на освобождение из ловушки. Просто, направляясь в расставленные Длинноухими сети, он впервые изменил своему правилу не использовать артефакты и амулеты. В этот раз на шее у него болталась лучшая поделка Гхола – ожерелье, увеличивающее скорость, силу и выносливость, – а на каждом запястье сидело по браслету. Браслет со Щитом он уже использовал, следом пришел черед его брата-близнеца, в который была вложена единственная молния.

Вот только целью он выбрал опять не лучника, а одного из мечников. Дуга разряда соединила кулак К'ирсана с точкой между лопатками эльфийского воина. Все тело врага покрыла сетка молний, он забился в судорогах, и вонзившееся ему в горло острие серпа стало ударом милосердия.

Одновременно с этим ханьский любитель цепов смог-таки накинуть на своего противника чары замедления и буквально размозжил ему голову одним мощным горизонтальным ударом.

Минус два и три!

Лучник погиб следом за сородичами. Но не от руки воинов Западного Кайена или их короля, эльфа убил Руал. Забытый всеми зверек незамеченным подобрался к сражающимся и сгустком ярости со спины набросился на Длинноухого. Мир Руала был прост и понятен: ни одно существо, живое или мертвое, хоть мархуз, хоть мифический Древний, не смело угрожать его другу и хозяину. Ни одно! У Перворожденного не было ни малейшего шанса, он даже толком среагировать не успел, как его артерия оказалась перекушена, а горло перегрызено.

Минус четыре.

Последний член эльфийской звезды убийц оказался достаточно смел или безумен, чтобы вместо бегства продолжать неравный бой.

Все подготовленные чары он обрушил на К'ирсана, выбрав именно его главной целью. Перед магом Перворожденных возникло золотистое свечение, из которого пролился настоящий дождь наколдованных стрел. Их поток оказался столь плотный, что его мог выдержать далеко не всякий Щит. Но Кайфат и не собирался проверять устойчивость своих чар к эльфийской магии. Вместо этого король силовым жгутом подкорректировал падение лучника так, чтобы его тело оказалось на траектории атаки, сдернул с плеча замешкавшегося Прыгуна и рывком ушел вправо.

- Да бейте же его, мархуз вас подери! - рявкнул К'ирсан, падая на спину.

Скользнув вниманием по сохранившемуся каналу связи с Астралом, он торопливо потянул оттуда энергию. Времени и сил на что-то серьезное не было, а потому он без затей выплеснул собранный эфир в самый центр плетения эльфийского мага.

Поток стрел тут же прекратился, но само заклинание не распалось. Перворожденный оказался предусмотрителен и защитил чары от внешних воздействий. Будь Кайфат не так вымотан, он бы смел подобную конструкцию как паутинку, но, увы, не сейчас...

Отвлечшийся на короля-мага чародей упустил из виду членов его охраны, и те сполна воспользовались предоставленной возможностью. Первым, как ни странно, был Храбр. Выпущенный им из арбалета заговоренный болт защита эльфа остановила почти у самого лица. Последовавшая за этим вспышка дезориентировала Длинноухого, и он проморгал момент, когда вокруг него закрутился вихрь из льдинок. Творение ханьца принялось стремительно истощать запас энергии в артефактах Перворожденного и отвлекать его внимание. Когда же ханьцы подскочили к замешкавшемуся противнику и обрушили на него удары своего явно непростого оружия, он окончательно забыл о продолжении атаки, развеял плетение и сосредоточился на поддержании защиты.

Наверное, эльф нашел бы что ответить обнаглевшим смертным, но... здесь был Кайфат, и он смог поставить точку в схватке. Его артефактный меч проколол защиту Длинноухого, точно шило мешковину, и вонзился в бедро. После чего пропущенный через клинок магический разряд парализовал мышцы мага, и тот свалился без чувств.

– Влейте в него тройную дозу сонного зелья, снимите все амулеты и хорошенько свяжите, – хрипло приказал К’ирсан, подхватывая с земли пищащего Руала. Окинул взглядом разрушенные дома, испаханную взрывами улицу, разгорающиеся пожары, посмотрел на раненых солдат. – Встретился, сожри меня тарк, с девушкой! – выдохнул едва слышно и уже громко добавил: – Хфургов сын – цель всей сегодняшней операции. Если доведем его до дома живым, то ни одна из жертв не будет напрасной.

– Твое колдунство, а что с госпожой... Мелисандрой? – вдруг спросил из-за спины Храбр. – В самом начале всего этого, – командир Шипов обвел рукой поле битвы, – я, кажется, видел, как она промелькнула на заднем дворе...

– Считай, что умерла, – сухо проронил К’ирсан, старательно загоня глубоко внутрь вспыхнувшую в сердце даже не обиду, а... разочарование. Смертельное разочарование, после которого нельзя остаться прежним. – Заканчиваем с болтовней: сейчас местные нагрянут, и нам придется домой не на пузыре лететь, а через территорию трех стран прорываться!

Пока они разговаривали, к ним подбежали четверо запыхавшихся бойцов, в чью задачу входило уничтожение эльфов. Одно то, что они наполовину выполнили поставленную задачу, уже делало их героями. Не их вина, что бессмертные Первожденные оказались сильнее и предусмотрительнее...

Через считанные минуты пленника и каким-то чудом все еще дышащего раненого Шипа, пережившего весь скоротечный бой, положили на самодельные носилки из поясных ремней, и потрепанный отряд двинулся сначала на соседнюю улицу, а затем в неприметный тупичок, где их уже ждали два подготовленных Чернавом экипажа. Улочками и проулками извозчики вывезли их сначала в Нижний город, а уже оттуда доставили к южной причальной башне, куда ночью перелетел их пузырь.

Проделано все было настолько быстро, что приказ о запрете на вылет кораблей они уже встретили в воздухе. И там же с К’ирсаном связался Гхол.

«Владыка, среди дворян волнения. Говорят, что король погиб... Смутьяны пытались поднять бучу среди кавалерийских частей, и, чтобы остановить бунт, Терну пришлось убить шестерых самых наглых. С Моксом тоже кое-кто пытался договориться, но после того, как он поджарил троих посланников и выставил их

тела перед входом во дворец, провокаторы немного поумерили пыл. Руорк бесится и грозит залить Старый Гиварт кровью тех, кто осмелился выступить против твоей власти... Хозяин, возвращайся скорее, без тебя тут все может рухнуть в любой момент!» – Мысленное послание маленького урга кипело от сдерживаемых эмоций, требуя отнестись к его содержанию максимально серьезно.

– Да чтоб ваши души Бездна пожрала! – только и смог прорычать К'ирсан.

Что ж такое, а?! Одно к одному, одно к одному... Хорошо хоть дорога займет несколько дней, и он успеет немного успокоиться. Потому как если нет, то новоявленные бунтари проклянут тот день, когда вздумали мешать его планам.

Глава 2

Новые владения Рошага под Козьими горами не ограничивались единственной, пусть даже гигантской пещерой, где он предпочитал коротать время. Старый дом гномов представлял собой запутанный многоярусный лабиринт из галерей, залов, узких ходов и широченных «трактов», природных расщелин и вырубленных кирками коротышек штреков и штолен. В подземелье было столько места, что оно могло дать приют населению пусть небольшого, но государства людей. Если, конечно, среди смертных найдутся те, кто предпочтет темноту и прохладу каменных тоннелей свету Тасса!

Нынешние обитатели Козьих гор с Тьмой и холодом находились в особых отношениях, а потому заселили пещерный лабиринт с молниеносной быстротой. Рошаг и сам не знал, сколько здесь было тварей. На одного призванного им из Бездны монстра приходился десяток стихийных порождений Мрака, вызванных к жизни эманациями Силы. Мертвяки, демоны, призраки, химеры и совсем уж невообразимые твари, незнакомые нынешним демонологам и бестиологам, точно саранча заполонили подземные коридоры, став одновременно и стражами царства Рошага, и будущими рядовыми собираемой им армии. Они были всюду, избегая лишь тех мест, которые облюбовали по-настоящему могущественные создания – «генералы» и «офицеры» воинства Спящих.

Если в глазах какого-нибудь мелкого демоненка из Нижних миров даже откормившийся мертвяк смотрелся как кто-то весьма и весьма могущественный, то Рошаг среди своих «подчиненных» выделял лишь двоих – овеянного легендами племени логов великана-канчора и не менее прославленного Ловчего Бездны.

Первый, четырехрукий великан в три сажени ростом, с бледно-серой кожей, рогатой головой на короткой шее и лицом дебила в народе ло'огов считался легендой. Раньше о его сородичах Рошаг знал лишь, что они были то ли одним из врагов вартагов, то ли слугами врагов. Кто такие в действительности и чем славны, ему стало известно лишь после перерождения в костяного дракона и превращения в эмиссара Спящих на Торне. Невообразимая Сила канчора, способность свободно колдовать как в обычной реальности, так и в Астрале, влияние на обитателей Верхних планов – все это стало той причиной, по которой орды тварей из Темного океана пересекли половину мира и стерли с лица Торна человеческий Гамзар. Ради освобождения столь могучего союзника, тысячелетиями томящегося в древних подземельях, Рошаг был готов пойти и не на такие траты сил.

Одна беда, то ли сказалось долгое заточение, то ли такой была плата Бездне за мощь, но великан оказался до изумления туп. Даже самый древний лич, растерявший последние крохи разума, на его фоне смотрелся бы титаном мысли. Прямые приказы могущественный идиот еще как-то исполнял, а вот на что-то сверх того можно было даже не надеяться. Его максимум – разъяриться по поводу и без него, а потом начать крушить всех, кто только попадет на глаза. И пусть Рошаг и сам немного опасался взбешенного канчора, в свое войско он хотел кого-то менее скорбного разумом. Потому как голой силе он всегда предпочитал ясный ум.

Второй «офицер» появился у Рошага совсем недавно и почти случайно. Простенькая комбинация вокруг узилища с заточенным в нем ядром души Ловчего Бездны неожиданно сработала, и составленный им аркан выдернул в зал под Козьи горы истерзанного Бестелесного духа. О, как он был зол, как ярился, как жаждал отомстить своим обидчикам, которые нанесли ему не смертельную, но весьма чувствительную и плохо заживающую рану.

С той поры Ловчий так и сидел запертый в многолучевой звезде, вытягивая из окружающего пространства мельчайшие крохи Силы и грезя о мести.

Собственно, у него, кроме ненависти и крох памяти, от разума тоже почти ничего не осталось. Иногда Рошаг даже не понимал, кто перед ним – наделенная сознанием магическая сущность или движимый инстинктами зверь из Бездны...

Мало того, что на первого «офицера», что на второго иногда находило некое помрачение, и они вовсе забывали, кто они и почему должны подчиняться какому-то костяному дракону. И Рошагу приходилось раз за разом вколачивать в их тупые мозги нужные приказы и директивы. Канчора хотя бы при этом не сопротивлялся, а вот Бестелесный каждый раз пытался брыкаться, выматывая даже не устающего немертвого.

– Ты меня слышишь, Ловчий?! Помнишь ли ты хозяев этого мира, готов ли подчиниться их воле? – в очередной раз спросил Рошаг, стоя перед гигантской магической печатью, в центре которой пульсировало ядро с остатками личности Ловчего.

В этот раз у того наступило очередное обострение, и на простое мысленное послание он ответил жгучим потоком магии, способной не только сжечь то, что заменяет мозги мертвяку, но и развоплотить привязанную к неживой плоти душу. Если прозевать удар, разумеется... Но Рошаг не зевал и вовремя подставлял ментальный щит.

– Не забыл ли ты, кто твой враг? – продолжил спрашивать костяной дракон. И внезапно получил ответное послание, буквально сочащееся ненавистью к пахнущим Силой двуногим смертным. Жаль только, ничего, кроме злобы, там не было. – Вижу, что не забыл... – выдавил из себя Рошаг, которому возня с могущественными безумцами успела изрядно надоесть.

Это была его последняя попытка вернуть Ловчему хотя бы видимость ясности ума. Смысла и дальше тратить время и силы он не видел и всерьез задумался об уже мелькавшей у него ранее идее с трансформацией твари в кого-то более подходящего для претворения планов Спящих в жизнь. Возможно, более сильного, и совершенно точно, гораздо более понятливого и управляемого. Вот только для задуманного надо заполучить еще несколько Ловчих, связать их чарами и вылепить из эфирной плоти нечто новое. И это совсем не простая задача!..

С этими мыслями Рошаг покинул одного безумца и появился в гости к другому – его соседу.

Если Ловчий замкнулся в себе и вел поистине растительное существование, то глупец-канчора был весьма деятелен. Сколько Рошаг к нему ни приходил, великан всегда хлопотал вокруг нарисованной демонической кровью на дальней стене пещеры кособокой астральной печати. Чего конкретно и, главное, как четырехрукий с ней делал, дракон не знал – он ощущал только, как в колдовской чертеж перетекает Сила настолько злобная, что на ее фоне сам Рошаг казался едва ли не невинной овечкой, – но прекрасно видел результат. Мелкие и средние стихийные духи Воздуха и Воды срывались с привычных мест, нарушая давно и прочно установленный порядок, сея панику среди сородичей и порождая кое-где настоящие стихийные миграции слабых элементарей. Но то в Астрале, в реальном мире это отражалось изменениями погоды, неурожаями и засухами. Три года канчора «играл» с обитателями иных планов, и вот теперь его возня принесла свои плоды: когда дома голодные бунты черни, вряд ли найдется властитель, который рискнет послать армию на войну со Спящими!

Однако сейчас великану придется отвлечься от своего занятия.

– Услышь меня, о могучий! – прошипел Рошаг, мысленно кривясь от отвращения.

До чего дошло: он, бывший хаарг-Лог, а ныне проводник воли Спящих, вынужден едва ли не пресмыкаться перед могучим безумцем. Перед тем, на кого в свою бытность живым и свободным драконом Междумирья, он устроил бы охоту, как на диковинного зверя! Мысли снова перескочили на того смертного червяка, который стал причиной его падения, и внутри снова начала разгораться слепящая злоба. Чтобы отвлечься от этих воспоминаний, Рошаг снова процедил:

– Могучий!

– Ы-ыы? – Великан как всегда был немногословен. Хорошо хоть соизволил повернуться к своему «генералу».

– У меня к тебе дело, о могучий! Ты сильнейший из всех известных мне повелителей Астрала. – Лесть, как можно больше лести. Тупицы ее любят! – Помоги отворить Тропу на тонкие планы. – Нужно заглянуть в гости к нашим

союзникам. Я хоть и бывал у них раньше, но... Враги сильны и коварны, в одиночку я могу и не справиться. Помоги, о могучий!

– Ы-ыы! – утвердительно замычал канчора и принялся хаотично размахивать всеми четырьмя руками.

– Ну вот и славно! – зло пробормотал Рошаг. – А чтобы совсем поднять тебе настроение, скажу, что союзники эти – наши с тобой родственники. Для тебя весьма дальние, для меня чуть ближе... – Поймав взгляд выпученных и лишенных капли ума глаз, посланник бывших хозяев Торна досадливо щелкнул челюстями и пояснил: – Я говорю о драконах, драконах Нолда. У тебя ведь в предках затесался кто-то из этой братии, не так ли?

В ответ опять донеслось мычание этой безумно сильной и столь же безумно тупой твари, и Рошаг, выдержанный и спокойный как... как может быть спокоен только костяной дракон, испустил ментальный вопль, который больше пристал загнанному в ловушку зверю, а не предвестнику новых владык Торна. Сегодняшний раунд своей борьбы с бесконтрольной яростью и злобой он определенно проиграл...

* * *

Сухарт, как и положено чтящему традиции гному, уважал профессионалов любого дела. Не важно, какое у тебя занятие – куешь ли ты мечи, сеешь хлеб, пасешь скот или творишь волшбу, – главное, что ты вкладываешь в работу весь отпущенный тебе богами талант и, взойдя на очередную ступеньку мастерства, жаждешь большего. А человек ты, гном, эльф или даже мерзкий гоблин – это дело десятое.

И лишь бумагомарак из всех этих газет, газетенки и новостных листков, которые десятками выходили во всех крупных городах людей и поселениях гномов, он на дух не переносил. Продажные по своей сути, пишущие не по повелению души, а отрабатывающие заказ очередного толстосума, напропалую врущие и передергивающие факты, они порой казались Сухарту орудием того самого конца времен, которым нет-нет да и начинали страшить священники.

Пусть сам гном не мог похвастать чистотой помыслов или незапятнанной честью – для политика его уровня подобное попросту невозможно, – это ничуть не мешало ему продолжать не любить «распространителей сплетен». Не любить и... пользоваться плодами их трудов.

На столе перед Сухартом лежало сразу несколько людских газетенок разной степени продажности. Здесь были газеты Нолда, Гарташа, Зелода, Иссора, Тлантоса и даже Заурама. И во всех, абсолютно во всех, так или иначе затрагивалась самая популярная тема сезона, затмившая даже Прорыв Бездны в Козьих горах: нападение на Муар и разрушение Гиркала. Два этих взаимосвязанных события потрясли основы современного мироустройства, став зримым воплощением тех тектонических процессов, что происходили и происходят во властных кругах стран Объединенного Протектората. И, разумеется, они не могли не найти отражения в трудах бумагомарак.

Вот только если рядовой читатель искал в статьях объяснение происходящего, то Сухарта интересовала трактовка событий. Не описание того, что произошло – это он знал и так из докладов разведки, – а то, как материал преподносится рядовому филистеру[1 - Напоминаю читателю, что филистер по сути тот же самый мещанин-обыватель.]. То, каким властью предержащая желала видеть общественное мнение.

И вот здесь вдруг выяснилось, что у нынешних хозяев мира взгляды на случившееся сильно расходятся.

В Зелоде и Гарташе, впервые на памяти Сухарта, Нолд подвергли жесточайшей критике. Дошло до того, что в некоторых новостных листках, доселе малоизвестных, островную республику откровенно называли палачами народов, а понесенные ими в Муаре потери – выдумкой и ложью. И это в странах, где еще недавно любое пожелание Архимага выполняли едва ли не раньше, чем оно было высказано.

Газеты Тлантоса, как и положено для пострадавшей стороны, кипели от возмущения и бессильной злости. Каждая заметка изобиловала описаниями разрушений, людских страданий, приводились имена погибших и искалеченных. В них можно было найти все, кроме... призыва к королю объявить Нолду войну. Даже о разрыве дипломатических отношений никто не заикнулся. И ладно бы это случилось с никчемным Уззом, нет, Тлантос – даже в том виде, каким его пытаются показать остальному свету его хозяева темные маги, – достаточно

силен, чтобы помнить о национальной гордости. И вдруг такая вялая реакция.

Вот Заурам, тот оказался вполне предсказуем. Все дзандские газеты пестрели заголовками, в которых безмерно осуждалась агрессия темных сил против Нолда и всячески приветствовался удар возмездия по Тлантосу. Что характерно, никто даже не попытался доказать связь между личем со Змеиных островов, как его называли писаки, и самым южным государством Горха. Все приняли ее как данность, наплевав на поиск доводов. И уж разумеется, никто не стал вспоминать, по чьей вине немертвый колдун набрал такую силищу. Кому какое дело до людей из Братства Крови или Тлантоса, если пострадал один из столпов этого мира?! В общем, лизоблюды из Сардуора были в своем репертуаре.

Интересно было бы почитать, что пишут в Иссоре, который славится давней дружбой с пиратами архипелага, но газеты из султаната в руки Сухарта не попадались...

Зато нолдские издания порадовали. В крупнейших республиканских газетах – «Жезле мага» и «Правде Истинных» – одни и те же события описывались пусть не с противоположных, но явно различающихся точек зрения. В «Жезле» много говорили о новых вызовах, стоящих перед Нолдом, и о необходимости продолжать восстановление потерянного могущества. Атаке на Гиркал внимание хоть и уделялось, но лишь в том ключе, что залогом успеха операции стало грамотное планирование и мастерство участников. И прежде всего – великого льера Виттора. Слово кто-то старательно подводил читателя к мысли о том, что вся ответственность за разрушенный порт лежит именно на главе государства.

А вот писак из «Правды Истинных» волновал всего один вопрос: кто виноват в муарской катастрофе. Тема «военного гения» Архимага также затрагивалась, но мимоходом, из одного лишь желания угодить могущественному чародею...

Если Сухарт хоть что-то понимал в этом проклятом богами мире, такие изменения в подаче новостей могли означать лишь одно – политическое партнерство Архимага и Магистра Наказующих переживало тяжелые времена.

И все это на фоне разлада в Объединенном Протекторате! Определенно чтение ненавистных газетенок – невысокая плата за подобное знание.

Передавая корабли заказчику, Сухарт мог только надеяться, что Тлантос с их помощью добавит проблем нынешним хозяевам Торна. Ведь чем жарче пламя мировой смуты, чем больше грызутся люди и эльфы, тем лучше для народа гномов. То, что для одних кризис, для других – удачная возможность, не так ли? Однако темные маги не просто оправдали его чаяния, они разворошили весь тот гадюшник, что Истинные имеют своим государством. Не устроили охоту на караваны, не организовали налет на малозначительный аванпост – тлантосцы разгромили Муар! Отец Гор, мархузов Муар!

Усмехнувшись, Сухарт решительно сдвинул газеты на край стола и принялся разглаживать мозолистыми ладонями уже читанное ранее письмо из Белой пирамиды. Король Тлантоса лично снизошел до того, чтобы поблагодарить «подгорных владык» за многовековую дружбу и плодотворное сотрудничество, итогом которых стала постройка «лучших кораблей этой эпохи». Так и написал – «лучших кораблей»! Сухарт, конечно, с ним полностью согласен, но ему было любопытно: король так же не скупился бы на комплименты, если бы его безбашенные колдуны не потеряли суда в очередной безрассудной схватке? Так и подмывало ответить, что лучшим признанием заслуг гномьих корабелов станет новый заказ на их верфи. Тем более что, несмотря на все славословие, сам государь этой темы никак не касался.

– Тоже мне правитель! Клянусь Отцом Гор, зачем стоило заваривать всю эту кашу с нападением на Нолд, если после первой же пощечины прячешься в кусты?! – сквозь зубы процедил Сухарт. – Или решил, что Истинные ослабели, потеряли хватку? Так зря, у мархузовых выкидышей еще есть чем удивить всяких выскочек... к сожалению... С островитянами по-глупому и с наскока нельзя, если уж так нейдет подраться, то планируй большую войну! – Гном с раздражением покосился на письмо. – Или я чего-то не знаю? В конце-то концов, не полный же ты дурак, чтобы просто так в Муар с четырьмя кораблями соваться... А что, похоже на правду!

Сухарт поморщился, досадуя на свою недогадливость. Такая очевидная мысль, а в голову только сейчас пришла. Ясно же, что корабли Тлантосу для другого требовались. Не для Нолда. Потому-то и во второй части письма Фердинанд не новые корабли предлагает ему построить, а просит продать полсотни боевых големов. Тех самых, о которых по идее не должен знать не то что глава далекой страны, а вообще ни один человечиска! Не иначе как некроманты его паскудные вынюхали, пока на верфях гостили... Дети хфурга! Как только ухитрились-то?!

Остро захотелось послать повелителя темных магов к хаффу в зад, благо Совет дал Сухарту такие полномочия, но цена... проклятье, отродье Тьмы предложило слишком хорошую цену. Золото, артефакты, материалы из иных планов...

И ладно бы за полностью снаряженных големов, нет, Фердинанд уверял, что его вполне устроит, если рукотворные монстры будут без магических движителей! Предложение было слишком соблазнительно, чтобы торговая жилка Сухарта позволила от него отказаться.

- Проклятье! - Хлопнув по столу, Сухарт откинулся на спинку стула и, прикрыв глаза, принялся вспоминать свой визит в цех по сборке боевых машин.

Если обычному мастеровому на ум первыми бы пришли обжигающий жар литейной, звон кузни, лязганье и визг работающих станков, вонь алхимических реактивов и искры от неудачно поставленных рунных печатей, то Сухарт был воин, и воспоминания у него были воинские. Перед глазами стояли многорукие, бронированные, ощерившиеся шипами разрядников металлические чудовища, настоящие боги войны. Пусть они немного меньше нолдских и мощь их колдовских сердец далеко не столь велика, гномьи мастера компенсировали эти недостатки крепостью брони и качеством самих механизмов.

Отдать такое чудо Тлантосу, чтобы некроманты их угробили в очередной авантюре?! Легко! Сухарт растянул губы в усмешке. Оставив движители себе, гномы без проблем построят себе новых. А на полученную плату запустят новый проект - сухопутный броненосец. Он уже видел рабочий прототип этой машины, вооруженной метателями огня и кислоты. И теперь всей душой желал, чтобы такая игрушка появилась в арсеналах Орлиной гряды. Когда Совет решит напомнить прочим обитателям Грольда и Сууда о силе народа гномов, то лишним подобное оружие точно не будет.

А значит... значит, решено! Сделке быть!

Сухарт потянулся за пишущей палочкой, чтобы начать писать ответ Фердинанду, как дверь кабинета с треском распахнулась и бухнула в стену. На пороге стоял новый помощник Сухарта, который вместо вежливого предупредительного стука пустил в ход ноги.

- Мальчик, ты рехнулся?! - ласково сказал Сухарт, медленно свирепея в душе. Предыдущему помощнику длинный язык стоил карьеры, новичок за свое хамство

может и здоровья лишиться.

– Господин!! Свежие новости из Западного Кайена!! – на одном дыхании выпалил паренек, трясая в руке смятым письмом.

– И поэтому ты решил выбить мне дверь? – спросил Сухарт, уже едва сдерживая гнев.

Но помощник словно и не видел, как над его головой сгущаются тучи.

– Господин, затворники из гор Порубежья вышли на поверхность и поступили на службу к королю Западного Кайена! В Старом Гиварте им целую слободу выделили! – почти прокричал молодой гном и, подбежав к начальству, сунул послание в руки.

– Что?! – вскричал Сухарт и забегал взглядом по строчкам гномьих рун. Новость оказалась настолько ошеломительной, что возмутительное поведение помощника было моментально забыто. Шутка ли, ненавидящие всех и вся сородичи вдруг пошли на контакт с людьми! Это вам не очередная войнушка смертных людишек, это событие исторического масштаба! И обитателям Орлиной гряды еще предстоит понять, как к нему относиться.

– Вызови самобеглую повозку: мы срочно едем в Совет, – приказал Сухарт, не отрываясь от послания. Затем, немного помедлив, добавил: – И собери мне все материалы по этому королю Кайена. Хочу знать, что за выкидыш хфурга преуспел там, где мы оплошали. Чем мархуз не шутит, вдруг через него контакт с кланом Черного Молота наладить получится...

* * *

Об истинной жемчужине Тлантоса – Белой пирамиде в Талаке – по всему миру ходили десятки легенд одна другой мрачнее. Какие только страхи не рассказывали, какие ужасные деяния ее обитателям не приписывали... И каждая новая волна слухов порождала всплеск интереса со стороны мирового надсмотрщика – Объединенного Протектората. Пирамида видела столько комиссий, проверок и расследований, инициированных его членами, сколько не видела ни одна другая правительственная резиденция.

Но все зря. Хозяева Тлантоса умели прятать свои секреты, а потому белоснежные стены королевского дворца, экранирующие магические эманации, очень скоро в глазах многих стали символом тайны. Пугающей, но от того еще более притягательной.

А ведь ответ прост. Пирамида со всеми ее этажами, комнатами, коридорами и подземными казематами всего лишь ширма, фальшивая панель, отвлекающая внимание яркой картинкой от по-настоящему важных секретов. Главный из которых – вход в подземные катакомбы, созданные едва ли не во времена Некронда. Именно здесь творилось все то зло, в котором обвиняла Тлантос людская молва, и именно здесь находился источник могущества его магов.

Комната с обрядовой Чашей, в которой вот уже несколько лет горело неугасимое пламя мира мертвых, располагалась на верхнем ярусе подземелья, строго по центру основания пирамиды. Достаточно глубоко, чтобы ничто не могло помешать ритуалу, и в то же время достаточно близко, чтобы король мог регулярно сюда спускаться и творить нужные заклинания.

Здесь, в святая святых Тлантоса, редко когда появлялся кто-то, кроме Фердинанда и его немногочисленных помощников. Слишком много надежд связано с этим местом, чтобы рисковать и впускать сюда непосвященных. Но сегодня был особый случай, и король нарушил свои же правила.

Сегодня во дворец прибыл человек, сумевший катастрофу в Муаре, когда многие планы Фердинанда пошли прахом, превратить пусть в обидное, но не фатальное поражение. Лишь благодаря ему Тлантос хоть и потерял Призрачные корабли с армией немертвых, но смог сохранить самого лича и немалый запас собранной им Силы. Такой подвиг достоин награды доверием!

Драгоценный груз и доставивший его домой маг Гржак ждали своего короля у входа в комнату с Чашей. Глава филиала канцелярии по особым делам в султанате Иссор был бледен, под глазами темнели круги, а пальцы мелко дрожали, как бывает у слишком далеко заглянувших за грань темных колдунов. Его тело явно жаждало отдыха, однако воля была тверда и взгляд ясен. Образцовый воин короны! Правда, на железный сундук в руках служек, в котором был заключен череп лича, он косился с заметной опаской. Но человек, выдержавший многодневный ментальный прессинг нечисти, имел право на слабость. На его месте Фердинанд вряд ли вел бы себя иначе.

– Господин! – Гржак наконец заметил своего государя и припал на одно колено. При этом его сильно качнуло, но он смог удержаться на ногах.

«Может, стоило дать ему отдохнуть с дороги?» – запоздало подумалось Фердинанду, но он тут же прогнал ненужную мысль долой. Не время нынче для жалости!

– Вижу, что исполнение королевской воли далось непросто, – сказал он властно. – Исполни свой долг до конца и сможешь насладиться покоем!

Кивнув безликим служкам, король открыл дверь заклинанием на языке мертвых и проследовал внутрь самого тайного места во всем Тлантосе. Стоило переступить порог, как в стенных нишах вспыхнули факелы, по углам плиты в центре зала зажглись масляные светильники.

Вслед за государем внутрь внесли сначала железное узилище останков лица, а потом единственный уцелевший накопитель с жертвенной Силой. Последним вошел забывший об усталости Гржак. Судя по горящим восторгом глазам, маг оценил оказанную ему честь, чем лишний раз подтвердил правильность выбора Фердинанда.

– Встань у стены и просто наблюдай, – приказал король.

Повинуясь его жесту, помощники установили в центре плиты над Чашей две каменные подставки: одну под накопитель и вторую для черепа. Еще три пылились в дальнем углу, но, увы, ими так и не получится воспользоваться. Воспоминания о потерянных в Муаре запасах Силы породили вспышку черной злобы, унять которую удалось далеко не сразу.

Пока он боролся с эмоциями, служки успели водрузить шар накопителя на полагающееся ему место и раскрыть сундук с черепом. Впрочем, прикасаться к сосуду с душой лица никто не спешил – это была прерогатива сильнейших чародеев. И тянуть с этим Фердинанд не стал. Криво усмехнувшись, он стянул через голову цепочку с медальоном и, зажав его в левой руке, правую положил на костяшку...

Хлынувший в разум поток мыслей немертвого колдуна оказался такой силы, что удар чужого безумия едва не сокрушил ментальные бастионы короля. И пусть спустя несколько секунд натиск заметно ослаб, выдержать первые мгновения было ой как непросто.

– Силой Пустоты и сердцем Тьмы, покорись! – прорычал Фердинанд, рукой с зажатым медальоном описав вокруг черепа два полных круга. Костяной кругляш оставлял в воздухе медленно исчезающий след ограждающих чар, которые прервали бессвязный поток мыслей лича и поставили точку в его безмолвном противостоянии с королем.

Эхо волшбы еще не успело угаснуть, как Фердинанд шагнул на плиту и водрузил череп на полагающееся ему место. После чего коснулся медальоном теменной части и быстро отступил обратно. В тот же миг служки затянули гимн Тьме, а он принялся выкрикивать отрывистые слова древнего заклятия, вплетая душу лича и собранную им на Змеином архипелаге Силу в паутину наложенных на Чашу чар. Медленно разгорающееся над плитой пламя мертвых подтвердило правильность задуманного.

– Конечно, не случись Муара, и Сила четырех накопителей наполнила бы Чашу, а лич стал бы генералом армии мертвецов, но чего нет, того нет. Даже самые продуманные планы порой нуждаются в доработке, – медленно проговорил Фердинанд специально для Гржака.

На что тот немедленно откликнулся вопросом:

– Я правильно понимаю, что в Чаше зреет?..

– Правильно! В Чаше сокрыто то, что возвысит нашу страну и станет источником ее могущества, – перебил король. – И сегодня твоими стараниями мы еще немного приблизились к этому славному дню!

– Благодарю за оказанную честь! – рявкнул Гржак, но король опять его прервал резким взмахом руки:

– Оставь церемонии для парадов! Просто стой и молчи...

Фердинанду неожиданно пришло в голову, что сила ритуала уже должна разрушить волю лича, а значит, у него есть все шансы заглянуть в память к немертвому колдуну. Он и сам не знал, что хочет найти, однако четко понимал – упускать появившийся шанс нельзя.

Приложив ко лбу медальон и прикрыв глаза, Фердинанд мысленно сосредоточился на его чистой от рисунков и надписей поверхности. Виски кольнуло болью, сигнализируя, что связь установлена. После чего, используя знак власти мага в качестве ментальной опоры, он потянулся к угасающему пламени сознания лича. Лишенное былых барьеров, оно с легкостью пропустило щупы внимания в свои самые сокровенные глубины, и перед внутренним взором короля замелькал калейдоскоп образов. Жестоких, кровавых, сводящих с ума нелюдской логикой и способом мышления. Стоило на них сосредоточиться, как уже собственные мысли начинали разбегаться словно хаффы, уступая место чему-то ужасному и отвратительному.

Вот только Фердинанда не интересовали мозги лича. Все, что он хотел, – найти зацепку, которая позволила бы обнаружить причину выхода мертвяка из-под контроля. Нечто такое, что разрушило планы короля Тлантоса и привело к агрессии Нолда.

Просеивая словно через сито распадающееся сознание лича, Фердинанд не слишком надеялся на успех, а потому едва сдержал восторг, когда щупы его чар зацепились за искрящийся след чужой магии. Это были не тяжеловесная волшба стихийников, не невесомое плетение магов Астрала, не проявление энергии Тьмы и даже не вонь нечестивого могущества Бездны... Нет, Фердинанд нашел отпечаток тончайшего аурного воздействия, присущего заклинателям лишь одного народа. Народа Светлых эльфов!

Когти Юрги! Несмотря на потрясение, дальше он действовал как по учебнику: быстро, четко, аккуратно. Стандартным плетением сформировал астральный образ отпечатка чужой магии и, разорвав связь с личем, перелил его в крупный бриллиант в перстне на пальце. Для такой цели лучше подошел бы подготовленный кристалл памяти, но за неимением гербовой бумаги приходится писать на простой. Хотя на этот раз «простая» получилась чересчур дорогой! Но ради такого дела не жалко и сотни драгоценных перстней...

– Попались, помойное семя! – не сказал, а прорычал Фердинанд, открыв глаза и сдернув с пальца украшение с потускневшим камнем.

От вновь вспыхнувшей ненависти перехватывало горло, и слова приходилось буквально выдавливать. Само по себе разрушение Гиркала король перенес менее болезненно, чем пережитое унижение и чувство бессилия перед мощью чужого государства. И вот теперь вдруг выяснилось, что причина всему – Перворожденные ублюдки, которые использовали Тлантос как подставную фигуру в игре за господство над Торном.

Длинноухие твари!

– Господин? – внезапно подал голос Гржак, и Фердинанд запоздало вспомнил, что закончил здесь далеко не все свои дела.

Махнув помощникам, чтобы те начинали расставлять вокруг Чаши запирающие артефакты, король приблизился к Гржаку и покровительственно похлопал его по плечу:

– Ты хорошо поработал, маг Тьмы! Но достойный труд требует достойной награды. – Фердинанд хищно усмехнулся, а вернувшийся к нему на грудь медальон сверкнул белизной. – Знаю, ты и сам способен дорасти до нового ранга, но зачем рвать жилы там, где можно принять руку помощи?

На последних словах король ткнул пальцем в чародейские регалии. Символ Взгляда Мертвого тут же поплыл, меняясь, пока не трансформировался в узор из скрещенных рогов. А Гржак, одномоментно поднявшийся на очередную ступеньку в иерархии магов Тлантоса, упал на колени и закричал, не в силах терпеть терзающую тело боль.

– Это тебя займет надолго. – Фердинанд с деланным сочувствием поцокал языком и, оглянувшись на суетящихся служек, едва ли не бегом покинул комнату с Чашей.

Гржак и недавно проведенный ритуал были забыты. Стрелой промчавшись через коридоры, переходы и лестницы пирамиды, правитель Тлантоса ворвался в свой кабинет и рухнул в кресло. Пальцы его все так же сжимали перстень с доказательством подлости Маллореана, а в голове крутились варианты письма к показавшему зубы Нолду.

Дико не хотелось пресмыкаться и просить, но нынешнее положение не оставляло ему ничего другого, кроме как терпеть и прогибаться под волю островитян. Час расплаты был близок, но пока... пока король Фердинанд должен скулить о пощаде и умолять прекратить варварское уничтожение своих подданных.

– Итак, сначала надо выразить соболезнования семьям погибших в Муаре и всем гражданам Нолда. Расписать, как сочувствуем и скорбим... Потом... потом перейти на наказание невиновных, – принялся вслух рассуждать Фердинанд. – Да, именно так: невиновных! И тут же предложить прочитать память камня в перстне... Без предисловий и лишних объяснений, пусть сами разбираются, что там и как! – Король задумчиво покивал и добавил: – Ну и, разумеется, ни слова про Гиркал! Слово и не было его никогда. Мол, зачем обращать внимание на такую малость?!

От своих же собственных мыслей в груди Фердинанда вновь загорелся огонь обиды и злости. Злости такой силы, что она затмевала собой мир вокруг. Повелитель Тьмы и Смерти, которому сами боги велели уметь сохранять холодный разум в любых ситуациях, словно проваливался в какую-то шахту, на дне которой плескалась жажда разрушения. И все, чего ему хотелось, это прекратить сопротивление и уступить напору кровожадного безумия.

Беззвучно хватая ртом воздух, Фердинанд рванул тугой ворот и, найдя взглядом недавно появившуюся в его кабинете клетку с семейством декоративных шуш, приказал сердечкам несчастных зверьков остановиться. В тот же миг пушистые тельца покинула жизнь, и король ощутил, как к нему возвращается способность соображать.

– Интересно, это я сам по себе такой буйный или это последний подарочек от лича? Придется разобраться, – пробормотал Фердинанд ошеломленно, попутно вытирая выступивший на лбу пот. Мысль, что «заразился» от немертвого колдуна его безумием, откровенно пугала. – Нам таких сюрпризов не надо... – С сожалением посмотрел на убитых шуш, покачал головой, затем вздохнул и решительно добавил: – Ладно, разберемся. Но сначала – письмо!

В конце концов, он – король. И не пристало монарху ставить дела личные поперек дел государственных. Как бы ему ни хотелось обратного.

Глава 3

По итогам седмицы, прошедшей после его возвращения в Старый Гиварт, К'ирсан Кайфат мог смело утверждать две вещи – что его власть тверда как никогда и что враги хитры, безжалостны и всегда наготове, ожидая любых проявлений слабости. И если второе утверждение для короля давно уже стало прописной истиной, учитываемой при планировании абсолютно всех шагов как внутри страны, так и за ее пределами, то первое оказалось пусть предсказуемым, но от того не менее приятным подарком. Ну а как иначе, если выстроенная система власти показала свою жизнеспособность не просто в отсутствие К'ирсана, а во время самого настоящего дворцового переворота. Кое-кто из соратников пытался говорить о бунте, но король был с ними не согласен. На бунт попытка отдельных представителей дворянства и высшей аристократии занять оставленный без присмотра трон совершенно не тянула, а вот на переворот вполне.

Тщательное расследование, поставившее на уши весь высший свет столицы Западного Кайена, показало, что заговорщиков было немного – всего полтора десятка членов родовитых семей, в свое время принявших сторону Кайфата, а теперь вдруг возжелавших взять власть в свои руки. Останься К'ирсан в Старом Гиварте, и никакого переворота бы не было. Дураки открыто идти против короля-мага в Западном Кайене давно перевелись, а потому знать все так же прятала бы свое недовольство под раболепными улыбками, выжидая удобного случая для удара в спину.

Так что Кайфат в какой-то мере сам стал причиной случившегося. Он, а еще некие безымянные друзья Западного Кайена, от которых за версту несло Длинноухими, сообщившие всем заинтересованным лицам об устранении грозного государя и своей безоговорочной поддержке в удалении от власти его сторонников.

Пожелание главного защитника идеалов Добра и Света упало на благодатную почву, и высокородные дураки ринулись бороться с наследием тирана. Одни занялись агитацией в расквартированных в столице кавалерийских частях, другие нанесли визит в Корпус магов, а третьи... третьи додумались сунуться к Руорку. Последним повезло меньше всего. Если первые и вторые умерли легко и быстро – кто-то от меча Терна, кто-то от магии Лансера, – то попавших в лапы фанатиков ордена Владыки можно было смело записывать в мученики. Даже

К'ирсан, немало повидавший на своем веку, содрогнулся, когда ему показали то, что осталось от смутьянов, что уж говорить про остальных. И если бы не усилия остальных соратников, Руорк Неистовый в поисках мятежников залил бы столичные улицы кровью. И это была бы совсем не фигура речи. Дошло до того, что К'ирсана, разъяренного предательством Мелисандры и жаждущего смерти врагов – и это несмотря на все попытки взять себя в руки и успокоиться, – дворяне Старого Гиварта встретили как спасителя от кровавого безумия его последователей!

– ...Таким образом, можно смело утверждать, что нам удалось установить личности всех заговорщиков, их лидеров и проследить связи с тайными службами... э-э-э... враждебных трону государств, – устало закончил Щепка, подводя итог расследованию провалившегося переворота, и выжидательно уставился на короля.

Особый антураж докладу придавала окружающая обстановка. Король-чародей, его личный ученик, Верховный маг, Верховный шаман, генерал Шипов и сам глава тайной службы находились в комнате для допросов. А у стены за спиной Щепки в заговоренных оковах и с ног до головы изрисованный магическими печатями сидел Светлый эльф.

– Чиро, а что с поддержкой мятежников среди членов Королевского совета? – мрачно уточнил К'ирсан, которого вся суэта вокруг заговора утомила не меньше, чем подчиненных.

Щепка пожал плечами:

– Увы, Владыка. Все, что удалось найти, это лишь намеки на некие симпатии к смутьянам со стороны первого министра. Но не более того. Подозрения в том, что именно через грасс Тареса агенты... иностранные агенты вышли на участников заговора, так и остаются лишь подозрениями генерала Храбра.

– Дерьмо тролля, Щепка! Тьфу... Кунише! Какие еще подозрения?! Да Янек это, Янек! – вдруг взорвался Храбр, до того с мрачным видом отмалчивающийся в углу. – Твое колдунство, да как же так?! Сколько его знаю, он постоянно с высокородной братией шашни крутит. Всегда в курсе всех их делишек. Так что даже если он и не участвовал в подготовке переворота, то знать о нем был обязан.

– Генерал... – начал было Кунише, но К’ирсан его остановил:

– Обязан, не обязан... Храбр, давай не будем опускаться до примитивной резни всех, на кого только может упасть подозрение. Так последних сторонников растеряем, – с холодком в голосе сказал Кайфат. – В конце концов, Янек грасс Тарес хороший управленец, найти ему замену будет непросто. Так почему бы не дать человеку шанс исправиться? Ведь всякий может оступиться. – Он со значением покосился на Щепку, заставив того моментально вспотеть. – Ну а чтобы министр не посчитал, что ему удалось ускользнуть от королевского внимания, Чиро отправит ему копию этого доклада. И в конце под вопросом будет стоять фамилия Тарес.

Если главу тайной службы слова К’ирсана полностью удовлетворили и он лишь молча поклонился, то Храбр был явно настроен продолжать спор. Генерал даже раскрыл рот для очередной гневной реплики, но был прерван Гхолом. Невысокий ург, до того хлопотавший вокруг поникшего эльфа, вдруг повернулся к своему господину и громко сообщил:

– Хозяин, эта пища рыкача очнулась!

Вторя гоблину, Светорожденный пошевелился и застонал, а затем и вовсе поднял голову и обвел собравшихся мутным взглядом. Сейчас он совсем не походил на того лощеного мага и воина, которым его помнил К’ирсан. Теперь Длинноухий больше напоминал грязного дикаря откуда-нибудь из пустыни Залимара, привезенного на продажу на рабский рынок в Иссоре.

Кайфат сам не заметил, как покинул свое место и оказался подле Перворожденного. Бегло осмотрел печати на теле пленника, проверил целостность кандалов и с каким-то жадным любопытством принялся изучать его лицо.

– Чего пялишься, смертный?! – с ненавистью прошипел Светлый эльф. – Ты хоть понимаешь, какие муки тебя ждут за гибель моих братьев и мое пленение? Понимаешь?! – Не дождавшись от Кайфата никакой реакции, он перевел взгляд на сгрудившихся за спиной короля людей и обратился уже к ним: – А вы поним...

– Заткнись, отродье хфурга! – рявкнул К’ирсан, от души врезав пленному магу по роже. И посмотрел на гоблина. – Что с его защитой?

– Ничего не вышло, хозяин. Его разум полностью защищен от наших плетений и недоступен для духов Астрала. И я даже представить не могу, как они этого добились, – виновато развел руками Гхол.

– Вот и я не представляю, – с досадой пробормотал К'ирсан.

Защиту на разуме эльфийского чародея не получалось взломать уже седмицу, и Кайфат начал сомневаться, что это вообще возможно. Во всяком случае, с его знаниями и умениями. А значит... значит, следовало переходить к следующей стадии допроса. К пыткам. Но, несмотря на бушующий в его душе ураган ненависти ко всей этой подлой расе, опускаться до такого К'ирсану совершенно не хотелось.

Да только разве есть у него выход?

Зафиксировав эльфа заклинанием, К'ирсан принялся в быстром темпе нажимать у него на груди и животе активные точки. И каждое надавливание вызывало судорожный спазм сосредоточия магии в чревном плетении пленника. Он мучил не тело, он пытал саму его энергетическую сущность, вызывая все новые и новые пароксизмы боли. Причем такой сильной, что в какой-то момент Перворожденный не выдержал и принялся истошно орать.

Впившись взглядом в глаза пленника, Кайфат принялся торопливо подбирать ключики к его разуму. Однако все было бесполезно. Черная стена в сознании Светорожденного даже под пыткой никак не желала разрушаться. И единственное, что удалось выловить, это образ самого К'ирсана и приказ на его уничтожение.

– Тьма! – с ненавистью выдохнул Кайфат и отступил от эльфа.

Все без толку! Столько надежд было связано с этим Длинноухим, и на тебе – призванный окупить все понесенные в Новом Гиварте потери «приз» на деле оказался пустышкой. К'ирсан с мрачной иронией порадовался тому, что оставил Руала наверху. Будь он здесь, и бушующий в сердце хозяина коктейль эмоций заставил бы зверька наброситься на пленника.

– Что, червяк, не вышло у тебя ничего, да? – хрипло захохотал Светлый эльф. – Думаешь, разбудил кровь, да нахватался крох магии с барского стола, и все, стал повелителем Сил? Нет, червяк, этого мало. Не тебе соперничать в высоком Искусстве с народом, который узнал о магии, когда твои предки еще возились в грязи как свиньи. Не тебе!

– Какие громкие слова. – К’ирсан присел перед Перворожденным на корточки и медленно стянул с лица маску. Взгляд пленника тут же прикипел к ужасному шраму на щеке. – Такие смелые и такие глупые. Да, я не смог добраться до твоей памяти. Не подсмотрел новых заклинаний, не узнал тайн Маллореана, не нашел секретов ваших союзников... Не страшно. Зато твоя казнь способна хотя бы немного утолить тот голод, ту жажду мести, что годами пожирает меня. Или ты думаешь, что, пережив Дыхание Леса, я не смогу создать для тебя нечто столь же изощренное? – Заметив, как на лице Длинноухого на мгновение мелькнула гримаса страха, король-маг с удовольствием рассмеялся: – О, вот таким ты мне нравишься. А после того, как полежишь и подумаешь о своем будущем, уверен, понравишься еще больше! Отдыхай...

Хлопнув напоследок эльфийского чародея по плечу, К’ирсан поднялся и, кивнув соратникам, покинул допросную. Они были уже на полпути к выходу из подземелий, когда задумавшийся было Кайфат встрепенулся и требовательно протянул руку к идущему рядом Моксу:

– Еще раз покажи тот камень, что привез гонец из Восточного Кайена.

Верховный маг понятиливо кивнул и вложил в ладонь короля прозрачный кристалл памяти. Короткое заклинание, и над верхней гранью возникла небольшая фигурка знакомого обоим Ханга Чес’сена. Эльф был облачен в явно церемониальный наряд, а волосы уложены в сложную прическу. Руки держал за спиной, а подбородок задирает так, словно считал себя центром вселенной.

«Маг К’ирсан Кайфат, ныне известный как король Западного Кайена. Если ты не желаешь, чтобы в твою страну вторглись войска Объединенного Протектората во главе с лучшими воинами Маллореана, чтобы твой народ был разорен, города и села разрушены, а земля под ними перекопана с солью, ты должен привезти в город Дхар, что на границе с Харном, плененного тобой и незаконно удерживаемого мага Зулема Кар’сога. Сроку тебе на то три дня!» – со змеиными интонациями объявил фантом эльфийского посланника, после пошел волнами и исчез.

– Владыка, может, не стоит сейчас обострять отношения с Маллореаном? Хотят они этого эльфа, так пусть забирают. Толку от него все равно никакого, – сказал Мокс, осторожно забирая у короля кристалл.

– Обострять? Да куда уж еще больше, – хищно усмехнулся Кайфат. – У меня с ними и без того война. Будь у них такая возможность, они давно бы уже заявили сюда во главе «армии Света». Ну или, на худой конец, заслали несколько звезд убийц. Они же то комиссии шлют, то в Новом Гиварте ловушки устраивают. – Воспоминание о столице Восточного Кайена заставило К'ирсана нахмуриться и зло скрипнуть зубами.

– Значит, им нужен повод, чтобы сделать все «по закону» и привлечь на свою сторону другие страны, – торопливо вставил Лансер. – Так зачем помогать им в этом?

– Верно, незачем... – медленно повторил К'ирсан и повернулся к Верховному магу. От пришедшей в голову идеи губы сами собой начали растягиваться в усмешке. – Только и идти на поводу у Светлых тоже нет резона... Как думаешь, наши союзники с Горха будут рады подарку?

И у Мокса, наверное, впервые не нашлось ответа на столь простой вопрос...

Предложение о передаче пленника ушло к М'Ллеур в тот же вечер, благо купец, на данный момент представлявший интересы Темных в Старом Гиварте, находился дома, а не в очередном торговом вояже. Несмотря на установившиеся торговые и личные связи, Темные эльфы не спешили открывать в городе официальное посольство, и для связи с ними приходилось прилагать определенные усилия.

Разводить в послании политесы К'ирсан не стал, ограничившись лаконичным: «Рад был узнать, что кровожадный лич встретил достойного противника и отправился обратно во Тьму. С чем нас и поздравляю. А заодно предлагаю принять на постой вашего дальнего родственника Зулема Кар'сога». Всего парой фраз он ухитрился напомнить Темным о своей роли в устранении угрозы со стороны немертвого колдуна и предложил возобновить сотрудничество, начав его с передачи вражеского мага в руки дознавателей М'Ллеур. Об ответной благодарности ничего не говорилось, но она подразумевалась. Иносказанием же пришлось воспользоваться для конспирации. Кайфат, конечно,

запечатывал все письма магией Истинного имени, но даже она не могла гарантировать абсолютную защиту от любопытных чужаков. Потому любая предосторожность была нелишней...

Обычно ответ приходил через несколько дней, но не в этот раз. Перепуганный торговец уже утром примчался во дворец, ведя себя так, словно от успеха порученной миссии зависела сама его жизнь. Хотя кто знает М'Ллеур, может, и вправду зависела. Доставленное им послание содержало всего четыре слова: «Он нам нужен. Срочно!» Но не надо было быть провидцем, чтобы разглядеть притаившиеся за скупыми фразами эмоции. Сам того не ведая, К'ирсан оказал Темным весьма ценную услугу. Что не могло не радовать.

Последующие события разворачивались с молниеносной быстротой. Еще до полудня пленника в закрытой карете и под усиленной охраной Шипов перевезли в порт, где его приняла на борт уходящая к берегам Горха двухмачтовая шхуна. После чего парусник тут же отчалил. На все про все ушло не более пары часов, а потому можно было надеяться, что агенты Маллореана – а в их присутствии в Старом Гиварте никто не сомневался – не успеют среагировать на такую активность. И корабль с магом Светлых в открытом море не будет ждать флотилия охотников.

Параллельно с этим в город Дхар, не дожидаясь срока истечения ультиматума, отправился гонец с посланием для Ханг Чес'сена. Обычное письмо, заверенное королевской печатью, в котором отсутствовал даже намек на использование магии. Все в соответствии с дипломатическим протоколом, принятым в странах, признающих диктат Объединенного Протектората.

Содержание также не нарушало никаких установлений. К'ирсан Кайфат, король Западного Кайена, отвергал все обвинения в нападении и удержании против его воли представителя благословенного Светом народа эльфов. Более того, он сокрушался, что подобная мысль вообще могла кому-то прийти в голову. Ведь правитель Западного Кайена известный борец с Тьмой и друг всех Перворожденных. И он искренне не понимал, чем мог навлечь на себя подобные подозрения, тем более сопровождающиеся столь страшными угрозами. Чтобы развеять последние сомнения уважаемого Чес'сена и руководства Протектората, К'ирсан спешил сообщить о том, что, по донесениям тайных агентов, Светлый эльф по имени Зулем Кар'сог попал в руки М'Ллеур и вывезен в Горх. Дальнейшая его судьба неизвестна.

На этом письмо заканчивалось.

Написание этого безукоризненно вежливого по форме и откровенно издевательского по сути текста заметно подняло К'ирсану настроение. За годы вражды со Светлыми он не раз сходилась с ними в бою, но вот так поговорить, без риска в любой миг начать смертельную схватку, удалось впервые. И он воспользовался предоставленным шансом сполна, перенес войну с полей сражений на листы бумаги. Ведь в иных ситуациях слова могут ранить более заклятия, а уж когда удастся замаскировать их вежливыми оборотами и призывами к дружбе, то простой обмен ругательствами превращается в высокую дипломатию.

В свете подобных рассуждений ответ Ханга Чес'сена: «Ты пожалеешь», выглядел как проявление слабости. Что не могло не радовать К'ирсана...

Краткий всплеск хорошего настроения, последовавший за завершением расследования заговора против короны и разрешением ситуации вокруг эльфийского мага, быстро угас. И ему на смену пришла холодная злость, оставляющая разум чистым, но убивающая всякий намек на светлые чувства. Предательство Мелисандры ударило по К'ирсану много сильнее, чем он мог себе представить. Безжалостный воин, выковавший характер в горниле сотен схваток, опытный маг, однажды уничтоживший своей волшбой небольшую армию, правитель целой страны, одним росчерком пера отправляющий на плаху любых противников власти, просто мужчина, у которого было немало любовниц, вдруг оказался уязвим перед одной-единственной женщиной. Да ладно женщиной, фактически эльфийкой!

Нет, загнанные глубоко в сердце переживания никак не повлияли на его твердость духа, волю, способность мыслить и принимать решения. Просто и без того не славящийся добрым нравом король-маг характером стал похож на воителей из легенд и мифов Эпохи Войн. Тех самых, что зная не знали о проявлениях чувств и в погоне за Силой порой превращали себя в беспощадные машины смерти. Машиной К'ирсан пока еще не стал, но его аура ледяного спокойствия ощутимо давила на окружающих.

Лучшим лекарством от тяжелых мыслей оказались дела и заботы. И без того часто забывавший об отдыхе король-маг окончательно превратился в трудоголика. Злого и требовательного как к себе, так и к окружающим. Что еще больше усилило его сходство с древними чародеями, которые,

по легендам, жили и дышали поставленной целью, отказывая себе и другим в простых человеческих радостях.

Соратники, само собой, роптали, но тихо и незаметно, страшась высказать недовольство К'ирсану в лицо. И молясь лишь о том, чтобы жажда деятельности повелителя когда-нибудь все-таки иссякла. Мокс и Терн пытались, правда, намекнуть Владыке, что не все вокруг двужильные и что от работы тиррыдохнут, но К'ирсан вступить в дискуссию отказался. И без затей ткнул в заполонивших столицу гномов клана Черный Молот. Которые делом опровергали любые, самые фантастические представления прочих народов о работоспособности не только подземных коротышек, но и вообще смертных созданий.

Нижний город, в котором гномы получили землю под застройку, преобразился за считанные седмицы. Среди покосившихся халуп из дерева и кирпича и немногочисленных двухэтажных зданий муниципальных служб вдруг появился целый квартал из новых домов непривычной глазу архитектуры. Полностью каменных, с высокими шпилями крыш, украшенных барельефами и статуями. Причем каждое строение было не сложено из камня, а словно бы... выплавлено? Выращено? Сами хозяева Порубежья называли свою технологию каменным литьем, что, на взгляд К'ирсана, звучало странно и дико, но было весьма близко по сути.

Не вдаваясь в детали, сначала гномы строили огромные рунные круги и запитывали их магией. Затем в центре с помощью артефактов создавали подвалы или даже целые подземные этажи, раздвигая пласты земли, формируя стены и придавая им каменную твердость. На следующем шаге ставили опалубку для надземных построек и обкладывали ее камнями, которые прямо на глазах начинали плавиться и течь, формируя единую поверхность без щелей и стыков. В завершение гномы заранее подготовленными оттисками выдавливали в камне нужные им узоры и рисунки и убирали все лишнее. На этом все, дом готов.

И пусть наличие столь совершенной технологии сильно облегчало гномам жизнь, работать им все равно приходилось на износ. Да, помогала магия, да, активно использовался десяток привезенных из дома пауков и ящеров-тяжеловозов, но мархуз побери!!! Когда Корпус магов начал помогать гномам с наполнением артефактов и рунных чар сырой Силой, те немедленно расширили масштабы работ и даже организовали ночные смены.

Коротышки успевали везде. Подготовка проектов зданий, расчистка площадок, добыча камня в городских каменоломнях, разработка рунных заклинаний – мало ли занятий при строительстве? А ведь они еще успевали трудиться в своих кузницах и оружейных мастерских, развивали торговлю и активно готовились к выполнению королевского заказа на постройку укреплений на городских окраинах.

О результативности гномов говорил хотя бы тот факт, что к настоящему моменту в Старый Гиварт прибыл уже третий их караван, и столько же ушло в Порубежные горы с зерном и продуктами!..

Так что К'ирсану определенно было кого ставить в пример, а его соратникам тихо ненавидеть.

Следующую попытку как-то исправить ситуацию Терн предпринял уже в одиночку. На правах старого друга он как-то вечером заявился в королевский кабинет и, убедившись, что К'ирсан не возражает против разговора, с ходу выдал:

– Командир, я, конечно, все понимаю: у тебя планы и все такое, но, может... пора сделать перерыв? Мир не треснет напополам, если ты на денек-другой забудешь обо всем и отдохнешь...

Вопрос звучал достаточно невинно, однако Кайфат сразу понял, куда Согнар клонит.

– Терн, ты никогда не был дипломатом. Не ходи вокруг да около, говори прямо, что хочешь, – сказал К'ирсан, старательно убирая из голоса ставший привычным холод. Однако судя по тому, как опасно покосился Терн, получилось у него не очень.

– Прямо так прямо... Командир, последнему хаффу понятно, что ты так гробишься из-за этой эльфийской бабы. Ну даже если и не хаффу, то мне точно! – выдал Согнар на одном дыхании. – Не хочу лезть в душу с советами, но... забыл бы ты о ней, а?.. Не получается? Найди другую! Просто раскрой глаза – вокруг полно женщин. Ты ж король: только свистни, и у дверей в твою спальню выстроится очередь. С одной переспал, другой, третьей, а на десятой

уже отпустило. Проверенный метод!..

– Я тебя понял, – прервал друга К’ирсан. – Благодарю за участие, но с кем и когда спать, решать буду сам. Чужие советы мне не требуются.

Умом Кайфат понимал, что Терн в чем-то прав и так зацикливаться на Мелисандре нельзя, но... мархуз побери, проклятое «но»! Проблема ведь не в предательстве, любви, ненависти и прочих громких словах. Проблема в том, что он потерял надежду на личное счастье. Сотрудничество Мелисандры с эльфами – не важно, по какой причине оно стало возможно, – убедительно доказало: Владыка не имеет права на привязанности. Любое проявление чувств – слабость, брешь в броне, в которую в любой момент может ударить враг. И этот простой факт не изменят никакие новые отношения, сколь многочисленными они бы ни были. Принять такое непросто, во всяком случае, у него до сих пор не получилось. А значит... значит, не будет и ожидаемых Терном изменений.

Вот только говорить все это другу К’ирсан не собирался, потому как теперь не имел права в том числе и на подобную откровенность...

* * *

Однако очень скоро выяснилось, что свои хаффы в голове есть не только у Кайфата. И попытка от них избавиться способна изменить судьбу не только одного конкретного человека, но и десятков и сотен других. Породив такие изменения, что их последствия не взялся бы предсказать ни один провидец...

А началось все с тренировки.

Разобравшись с первоочередными делами, К’ирсан затеял проверку знаний и навыков своего ученика. В последнее время Канд выполнял обязанности настоящего мага, что сильно сказалось как на его самомнении, так и на личном прогрессе в изучении Искусства. И Кайфат считал своим долгом исправить данное недоразумение. Заодно и найденных там новичков проверить... Но сначала – Канд! Тем более что благодаря Шипящему он знал, как правильно стимулировать учеников для занятий учебой.

– Сколько можно повторять: не сосредотачивайся на чем-то одном, учись держать вниманием сразу несколько силовых контуров и быстро между ними переключаться, – втолковывал К’ирсан ученику, прячущемуся под простейшим Щитом и одновременно с этим пытающемуся зацепить Воронкой Силы ауру Кайфата. – Да не дергай за «нити», оба плетения порвешь!

Урок продолжался уже второй час, и терпение К’ирсана подходило к концу. Умница Канд, успешно освоивший немалый арсенал чар Древней магии и на счету которого было участие в нескольких серьезных ритуалах, сегодня был сам на себя не похож и напоминал неуклюжего новичка. А ведь умение работать сразу с несколькими разнотипными заклинаниями – классика боевой магии. Без него на поле боя нечего делать! И ладно бы у парня не было к тому таланта... Нет, совсем наоборот. Он просто не мог себя заставить переступить через какие-то внутренние запреты, мешающие перейти на следующую ступень в Искусстве. А может, не хотел или вовсе ленился... Да какая разница? Важен итог, а он совсем не радовал.

– Учитель, я не могу вас атаковать, когда вы без защиты. Прикройтесь чарами, и тогда... – сообщил Канд угрюмо, не сводя глаз с кружащего вокруг него К’ирсана.

На что Кайфат лишь обидно рассмеялся.

– Парень, когда меня впервые атаковали прообразом Воронки, я перебирался вплавь через едва ли не самую опасную реку этого мира и почти не умел колдовать. Однако ничего, выжил, – сказал К’ирсан, остановившись и разведя руки в стороны. – Да и вообще... Какой из меня Наставник, если я не способен справиться со своим учеником?!

Пока он говорил, из его ауры в сторону атакующего заклинания вылетело плотное щупальце, которое сначала рассекло плетение на неровные части, а затем втянуло в себя не успевшие распасться ошметки. Фокус потребовал некоторой концентрации, и К’ирсан на мгновение отвлекся, чем в тот же миг воспользовался Канд. Аура ученика развернулась точно парус, после чего прямо сквозь Щит в Кайфата ударили сразу две молнии. Молодой маг явно не забывал тренировать технику клана Серебряной луны, к тому же научившись совмещать ее с навыком маскировки чар. В итоге у него получился прекрасный сдвоенный удар, способный стать сюрпризом для любого колдуна.

Для любого, но не для К'ирсана. Вместо того чтобы вонзиться в его живот и грудь, обе молнии влетели в центр небольшого облачка голубого тумана, пронизанного зелеными искрами. Столкновения с энергией Астрала примитивные чары не выдержали и распались, превратившись в облако сырой Силы.

– Семя Кали! – не сдержался Канд, явно возлагавший большие надежды на этот новый прием.

– Задумка неплохая, но... слишком предсказуемая, – усмехнулся К'ирсан.

Самым противным образом оскалился и... выпустил в медленно рассеивающееся облако магии остатки перехваченной Воронки Силы. Ошметки плетения оказались вполне рабочими. Перехваченное заклинание стремительно собрало энергию, передало Кайфату, а тот слепил из нее собственную молнию и «выстрелил» ее из раскрытой ладони в сторону Канда.

Щит ученика и руку Наставника связала полыхающая зеленым нить Силы. Почти сразу прикрывающее Канда плетение рассыпалось ворохом разрядов, которые буквально погребли под собой молодого мага. Приподняли в воздух, перевернули, а потом сжали защиту точно тисками, да так сильно, что в какую-то секунду та не выдержала и лопнула. Не самое сложное заклинание по воле К'ирсана вдруг обернулось чем-то новым и эффективным.

– Тысяча хфурговых демонов! – прорычал Канд, повалившись на пол. – Учитель, как, как ты это делаешь?! Те же самые плетения, те же самые техники, но у меня все стандартно и предсказуемо, а у тебя всякий раз выходит нечто... невозможное. – Разрушение Щита не прошло для него бесследно. Одежда, задетая молниями, местами дымилась, на руках появились небольшие пятна слабых ожогов, а по лбу текла тоненькая струйка крови. Однако для Канда травмы словно и не существовали, все свое внимание он сосредоточил на Наставнике. – Ладно этот фокус с аурой. Еще чуть-чуть, и сам его освою. Но перехватить чужое заклинание, между делом трансформировать молнию в нечто новое... Не понимаю!

К'ирсан мрачно усмехнулся и демонстративно хрустнул пальцами.

– Что я вижу: у тебя вновь проснулся интерес к знаниям! Секретов захотелось, тайн... – медленно произнес он, смакуя каждое слово. – Вот только ничего действительно нового ты не увидел. Раз за разом ты делаешь одну и ту же ошибку: вместо совершенствования имеющихся навыков ищешь какие-то особенные заклинания, которые станут в твоих руках всепокрушающим оружием против всех врагов. А так не бывает, Канд. Нельзя низводить Искусство магии до примитивного набора мощных плетений. Ведь главное вовсе не чары, – Кайфат покачал головой и постучал пальцем по виску, – главное то, что у тебя находится здесь. Твой разум, твоя воля, твои знания и, мархуз побери, твое глубинное понимание собственного Дара.

Пока К'ирсан говорил, Канд успел подняться на ноги и, наученный прошлым опытом, завернулся в кокон на основе усиленного заклинания Щита.

– Наставник, ты так и не ответил на вопрос... – Из-за защиты голос звучал глухо, словно Канд находился на дне колодца. Но убирать ее ученик явно не собирался.

И правильно делал.

– А ответ очевиден! Добейся высокого навыка концентрации, научись работать с вниманием, развивай способность манипулировать сразу с несколькими потоками Силы... – Пока К'ирсан говорил, он один за другим создал над своей ладонью отворяющий знак О'рекат, знак внутренней чистоты Ка'тол и знак трансформации Ч'жен.

Закрутил их в хоровод и по разным траекториям запустил в сторону ученика. Тот заметно напрягся, ожидая мощного удара, но его-то как раз и не произошло. Оставляя едва заметные шлейфы Силы, знаки Истинного алфавита достигли стенок кокона и... просочились внутрь, чтобы уже там соединиться в необычного вида гальдрастав и взорваться облаком бело-зеленых искр. Через пару ударов сердца в воздухе растворились последние зримые проявления заклинания, и К'ирсан не без удовольствия принялся наблюдать за стремительным исчезновением у ученика всех ожогов и мелких травм.

– Как самочувствие? – спросил Кайфат самым издевательским тоном.

– Штаны сухие, – пробурчал Канд, развеяв Щит и принявшись сосредоточенно ощупывать себя руками.

Ни ругательств, ни вопросов от него не последовало. Однако, заметив недоумение на лице Наставника, он вздохнул и коротко уточнил:

– Глупо прятаться под Щитом Силы в бою с его создателем, да?

– Ну хотя бы этот урок ты понял, – удовлетворенно кивнул К'ирсан и повернулся к сидящим у стенки подопечным Канда.

До этого он их толком-то и не видел, полностью спихнув заботу о новых адептах Древней магии на личного ученика, и теперешнюю встречу смело можно было считать первой. Увиденное не впечатлило. Подростки как подростки: парнишка лет шестнадцати по имени Дорн и девочка, его ровесница, отзывающаяся на Гирму. Оба бледные, взъерошенные, на грозного Владыку смотрят как хаффы на мархуза и явно ждут чего-то ужасного. Ну да ничего, их молодой учитель и сам когда-то был таким, а сейчас вон скоро настоящим магом станет. Главное, что Дар в них и правда горит ровным пламенем, а аура не несет на себе печатей опасных страстей и дурных склонностей.

– Твое колдунство, да не мучь ты детей! – вдруг раздалось откуда-то сзади. – Они ж сейчас того и гляди в обморок грохнутся...

И К'ирсан с некоторым удивлением неподалеку от входа в Малый полигон увидел Храбра. Генерал был жутко мрачен и с выражением обреченной решимости на лице подпирал спиной декоративную колонну. Последнюю седмицу он не попадался Кайфату на глаза, и теперь король с нарастающим раздражением подмечал несвежую одежду, многодневную щетину, мешки под глазами. Все выглядело так, словно командир Шипов все эти дни если и не пил, то предавался явно нелегким раздумьям.

– Если б у меня новобранцы так сержантов боялись, как неофиты его величество, закрыл бы гауптвахту ко всем мархузам за ненадобностью! – продолжил Храбр ворчливо. Взглядом с К'ирсаном он старался не встречаться.

Кайфат же вдруг понял, что начал откровенно злиться. Храбр вел себя неправильно. Он явно чего-то хотел – не зря же пришел на магический полигон, который до сего дня совсем не жаловал, – и в то же время страшно не желал и боялся предстоящего разговора, пытаюсь скрыть нервозность под ненужной

болтовней. Проклятье, да он уже мархуз знает сколько с постной рожей ходит – все свою думу думает, а после столкновения со Светлыми в Новом Гиварте и вовсе в черную меланхолию впал. За такой срок можно было и побольше решимости набраться!

Что ж, если друл сам не падает в руки, придется сорвать его самому.

– Ловите! – рявкнул К'ирсан, создав перед собой нечто вроде глаза с тремя зрачками.

Движение кисти, и знак Ир'рг, знак памяти и концентрации, летит в сторону Дорна. Еще одно движение, и к Гирме устремляется его полная копия. Вряд ли Канд такому их учил, но если они начали осваивать Истинный алфавит, то должны справиться и с удержанием готового символа.

И К'ирсан оказался прав – задание выполнили оба ученика. Но если парнишка просто поймал знак Ир'рг и зажал в тисках воли, то девочка пошла дальше. Она ловко поймала невесомую конструкцию ментальным усилием и принялась потихоньку вливать в нее свою энергию, постепенно превращая чужой знак теперь уже в свой.

– Теперь упражнение на концентрацию! Удерживайте их как можно дольше, – сообщил он, подпустив в голос льда. – А вам стимул, чтобы не скучать.

И наложил на обоих слабенькие чары Боли, призванные породить болезненные ощущения по всему телу. По меркам Шипящего – легкая щекотка, но испытываемые, судя по вскрикам, кажется, имели на этой счет иное мнение.

– Храбр, ты чего-то хочешь мне сказать? – Не сводя взгляда с натужно потеющих, но упорно пытающихся выполнить приказ юных магов, К'ирсан приблизился к генералу и встал рядом.

Генерал шумно вздохнул и взъерошил пятерней волосы.

– Хочу, – сказал он обреченно. И, в омут головой, решительно продолжил: – Не справляюсь я, твое колдунство! Враги у нас слабее не становятся, наоборот, с каждым разом они все могущественнее и могущественнее. Простого смертного

сметут и не заметят! Чтобы просто находиться рядом с твоим величием... Не быть опорой, нет! Просто находиться рядом и не быть помехой!.. надо быть хотя бы средненьким магом или тем же Мечником. Не меньше! – Храбр бухнул кулаком по стене. – Лансер, Согнар, Канд, даже хфургов гоблин – каждый из них способен выстоять в затеянной твоим колдунством буче. Они, но не я!

– Вот оно что... – пробормотал Кайфат и покосился на изливающего душу Храбра. – Ну что ж, Дара в тебе нет, это правда. Но кто мешает пойти по стопам Терна и начать осваивать меч? С гарлуном и наставниками проблем не будет... Да и с артефактами можно еще что-нибудь придумать.

– Все не то! – рубанул рукой Храбр. – Чтобы игру клинком освоить, надо задатки иметь и годы тренировок. А у меня нет ни того ни другого. С артефактами и того хуже... Твое колдунство, вспомни последние сшибки с врагами, я тогда амулетами и талисманами весь увешан был, да только и смог, что под ногами путаться... – Генерал вдруг побледнел, заиграл желваками и... взмолился: – Владыка, помоги! Дай Силу!

К'ирсан вздрогнул и, сузив глаза, уставился на командира Шипов. В душе начал медленно закипать гнев. Он всегда дико ненавидел всех тех, кто жаждет дармовщины, кто вместо долгой и упорной работы хочет сразу получить готовенькое. И не важно, о чем речь: о быстром обогащении, о возможности бесплатно воспользоваться чужим трудом или способе увеличения собственного могущества. Суть везде одна!.. Это с одной стороны, а с другой... с другой, именно над этой темой Кайфат вместе с лучшими исследователями Корпуса работал последние полтора года. В дело шло все – записи культистов, собственные наработки К'ирсана и полученные от Темных эльфов методики. И вот теперь, когда последние расчеты закончены и пришла пора испытаний, вдруг появился доброволец. Причем хорошо мотивированный доброволец, что особенно важно в магии подобного рода.

– Что ж, Храбр, вопрос решаемый, – медленно проговорил К'ирсан, безуспешно пытаясь скрыть злые интонации. И повернулся ко все еще сражающимся с распадающимся знаком ученикам. – Все, заканчивайте! Вижу, что оба небезнадежны. И если продолжите в том же духе, то года через три-четыре из вас выйдет толк. – Развеял все еще терзающее неопитов заклинание и, моментально забыв про них, крикнул Канду: – А ты бегом в хранилище у входа и тащи сюда кристаллы с нашей последней работой.

– С Трансформой сути?! – всполошился расслабившийся было Канд.

– Бегом!!! – прорычал К’ирсан и мрачно пошутил: – У нас есть доброволец, но вдруг он передумает?

Молодой маг вздрогнул и, не дожидаясь, пока у Учителя окончательно испортится настроение, устремился следом за покинувшими полигон Дорном и Гирмой.

– Владыка, а о какой работе идет речь? – уточнил Храбр, с опаской наблюдая за поднявшейся суетой. – Да и вообще, честно говоря, не ожидал, что моя просьба будет исполнена так... быстро.

Но если он надеялся, что ответ Кайфата его успокоит, то явно зря.

– А чего тянуть? Помнишь змееногов, в которых превращались хфурговы культисты? Мы пошли той же дорогой. Убрали канал в Бездну, добавили управляющий контур, блок контроля, подготовили несколько пригодных для внедрения в ауру энергетических структур, и наш ритуал готов! – сообщил К’ирсан, мысленно уже прокручивая предстоящее магическое действие.

– Змееногов?! – воскликнул Храбр.

– А как ты хотел? За все надо платить, и за дармовую Силу в том числе, – мстительно сообщил К’ирсан, тут же добавив: – И да, отказаться ты уже не можешь!..

Канд вернулся через четверть часа. Влетел в зал с серой полотняной коробкой в руках и сразу же кинулся к Наставнику, на ходу доставая крупный каплевидный кристалл памяти. Особым образом обработанный чарами и предназначенный для работы с магическими структурами. Весьма дорогая штука, но любое серьезное исследование всегда требовало больших вложений.

Приказав Храбру раздеться догола, К’ирсан занялся кристаллом. Крепко сжал его в руках и, войдя в состояние Сат’тор, мысленно потянулся к пляшущим в глубинах искрам. Перед внутренним взором замелькали десятки образов, рисунков, чертежей и схем, но Кайфат знал, что искать, а потому уже меньше

чем через минуту над верхней гранью «капли» возникла крутящаяся иллюзия колдовского рисунка. Он состоял из четырех пересекающихся кругов разного размера, нескольких восьмиугольников и вписанных внутрь трудночитаемых гальдраставов из символов Истинного алфавита.

Зачерпнув энергию в Источнике, К'ирсан щедро влил ее в парящую иллюзию и ментальным усилием переместил заигравший красками образ в центр полигона. По мере движения чертеж стремительно рос в размерах, пока не стал примерно восьми саженей в длину и шести в ширину. На высоте локтя от пола увеличившийся рисунок на мгновение завис в воздухе, чтобы затем с адским грохотом впечататься в пол. В воздух взметнулась пыль и мелкая каменная крошка, скрыв происходящее. Но так продолжалось не более десятка секунд. Затем картинка прояснилась, и стал виден словно вырубленный в полу узор, линии которого принялись наливаться зеленым огнем.

– Храбр, встань в центр! – приказал К'ирсан не терпящим возражения тоном.

Пока генерал выполнял приказ, Канд принялся расставлять в положенных местах очередные кристаллы памяти. На этот раз мелкие, в ноготь большого пальца размером, и хранящие в себе все необходимые для трансформации энергетические структуры.

– Поставь ему молнию! – крикнул ученику К'ирсан, и тот торопливо заменил уже установленный в один из узлов чертежа камень на другой, внешне ничем не отличимый.

– Готово! – сообщил Канд, и К'ирсан опустился перед границей колдовского рисунка на колени и прижал к ближайшей силовой линии ладони.

В памяти всплыла цепочка ключей активации, а из Источника хлынул водопад Силы, питая ритуальную фигуру. Кайфат целиком сосредоточился на обряде и не видел, но чувствовал, как рядом присел Канд и принялся помогать Наставнику собственными запасами энергии.

Однако самое интересное происходило с Храбром. Едва ритуал начался, как командир Шипов потерял сознание и упал навзничь. Но в последний момент был подхвачен силовым щупальцем и оставлен парить в двух локтях от пола. Одновременно с этим активировались новые заклинательные схемы. Ставшие

частью обряда духи изучили тело и разум генерала, после чего с помощью комплекса из десятка заклятий запустили механизмы перестройки организма по заданному образцу. В отличие от методик культистов, разработка К'ирсана не предполагала мгновенного результата. Нужной кондиции Храбр должен был достичь лишь спустя несколько седмиц. Зато так можно не опасаться незапланированных мутаций, да и разуму легче адаптироваться к новым способностям. Все-таки после завершения всех трансформаций генерал должен сравняться в возможностях с владельцами усиливающих амулетов, что немало.

На этой стадии еще можно было бы отыграть назад, но вот дальше... дальше изменения становились необратимыми. Радикальная коррекция ауры не предполагала возможности возврата к прежнему состоянию.

Находящийся в искусственном трансе Храбр застонал, и Кайфат сочувственно покачал головой. Началась самая важная часть ритуала. В тонком теле командира Шипов формировался силовой узел, способный воспринимать и собирать разлитую вокруг магию, этакую смесь из эфирных и стихийных энергий. Давать он будет сущие крохи Силы, но на пару-тройку простых заклинаний хватит. Например, на ту же молнию, структура которой уже внедрялась в ауру Храбра и жестко привязывалась к только-только созданному узлу...

К'ирсан в очередной раз окинул тело бывшего главаря бандитов Истинным взглядом и с удовлетворением усмехнулся. Процесс шел как надо, с точностью гномьего хронометра. Никаких отклонений, ошибок или сбоев, все в полном соответствии с расчетами. Правда, Силы потребовалось несколько больше, чем предполагалось, и ему пришлось подменить выдохшегося Канда, но на фоне остальных успехов это выглядело сущей ерундой.

– Наставник, может, не стоило начинать с Храбра? – вдруг подал голос ученик, моментально подметивший изменения в настроении Кайфата. – А если бы что пошло не так? Терять верного человека в непроверенном ритуале...

– Верно, глупо и расточительно. Вот только ты забываешь, что мы уже почти потеряли нашего генерала. Вспомни его слова. Для Храбра Трансформа – это последняя возможность ощутить себя равней остальным. Он слишком привык быть сильным, а тут вдруг пришлось смотреть снизу вверх на своего соперника, недавнего сопливого мальчишку, дикаря-гоблина... Храбр слишком сильно уступил в свое время мне, как колдуну и будущему королю, чтобы уступить еще

и вам, – медленно сказал К'ирсан, продолжая следить за ходом ритуала. – Тщеславие – вот слабое место нашего генерала. Не предложи я ему измениться, и он окончательно потерял бы себя...

– Тщеславие? А Храбр больше на сильных врагов напирал, – нахмурился Канд.

– Ученик, Нолд тоже постоянно о миролюбии и свободе говорит, однако это ему не мешает города сжигать и целые народы притеснять, – отмахнулся К'ирсан. – Истинных причин всегда несколько... Понимаешь?

Канд кивнул. Помялся, но все-таки осторожно спросил:

– Учитель, так, может, и вы тогда не обо всех причинах своего решения рассказали?

Кайфат вздрогнул. Очень захотелось послать ученика с такими вопросами мархузу в зад, но он пересилил себя и ограничился ледяным:

– Может, и так.

Глава 4

Самый защищенный зал в подвалах нового дворца Наместника первых императоров был погружен в полумрак. Не горели свечи, были погашены магические светильники, и единственным источником света была пластина амулета дальновидения. Причем не нолдского новодела, а его прототипа времен Империи Заката, который, помимо всего прочего, был способен работать в условиях самых серьезных астральных помех, подключаться к другим магическим устройствам связи и давать гораздо более качественное изображение. На черном рынке такой колдовской агрегат стоил бешеных денег, но братья Парсаны не привыкли экономить. Да и кому, как не им, наложившим лапу на всю нелегальную торговлю наследием Древних в Сардуоре, владеть подобным артефактом?

– Брат, ну сколько можно ждать?! Мы встали засветло и вместо того, чтобы найти себе более интересное занятие, вот уже который час пялимся на эту рощу, – заныл Парсан Второй, чавкая иссорскими сладостями. На пасторальную картинку с опушкой леса и обширным участком степи, откуда-то с границы Земли Наместника и Зарока, которую транслировал амулет дальновидения, он посматривал с нескрываемой ненавистью.

– Сказал же, терпи! – огрызнулся карлик.

В отличие от толстяка, он был занят делом и корпел над изрисованной десятком разноцветных стрелочек картой. Что-то замерял, вычислял на счетах, потом уточнял посредством гораздо более примитивного амулета связи и переставлял булавки с флажками. На пластину артефакта он косился лишь изредка, словно нехотя. И лишь горящие возбуждением глаза говорили о скрываемых чувствах.

– А я говорю – надоело! – попробовал бунтовать Парсан Второй, но был прерван.

– Началось!!! – рявкнул Парсан Первый и взобрался на высокий, предназначенный для него одного стул.

На экране артефакта из-под прикрытия деревьев выезжали отряды гвонков. У них на глазах десятки и сотни бойцов верхом на тиррах выстраивались в походные колонны и устремлялись на юг. Повинуясь жесту карлика, изображение стремительно отдалилось, словно транслировавший картинку наблюдатель взлетел высоко в небо, а затем столь же стремительно приблизилось. Вот только теперь правители Земли Наместника могли наблюдать одну из пограничных застав, призванных охранять Зарок от вторжения с севера. Четыре поставленные квадратом казармы, в центре – каланча со смотровой площадкой.

Местные вояки ничего не подозревали. На плацу перед одной из казарм вяло маршировали солдаты, парочка дородных матрон переругивалась с часовыми, а усатый капрал выводил десяток явных новобранцев в первый рейд... Да что там говорить, если с одной стороны заставы почти вплотную к стене одной из казарм подобралась заросли дикого друла, а перед главным входом располагалось целое поле, заросшее бурьяном в рост человека.

– Что, ребятки, расслабились? Небось забыли, с какой стороны меч держать? Так наши гвонки вам напомнят... – прошипел карлик, став похожим на злобного духа. Такой же страшный и кровожадный.

Словно дожидаясь именно этих слов, из зарослей бурьяна вышли сразу трое кочевников. Деловито, без суеты воткнули перед собой в землю по десятку стрел, быстро перекинулись друг с другом гортанными фразами, распределяя цели, и с синхронностью бездушных механизмов выстрелили по часовым. Все происходило настолько спокойно и обыденно, что вояки не успели как-то среагировать. Не все гвонков даже заметили, а те, кто заметил, лишь недоуменно таращили глаза.

Все три стрелы нашли свои цели, а затем следующие три и следующие. Что, впрочем, неудивительно. Род, к которому принадлежали кочевники – если Парсан Первый не ошибся и правильно прочитал узор на их куртках, – всегда славился своими стрелками из лука... А еще ядом, которым они смазывали наконечники стрел.

Зарокские пограничники потеряли часовых и половину отряда новобранцев, прежде чем до них дошло, что застава подверглась нападению. Затрубил в рожок наблюдатель со смотровой вышки, зазвучали команды офицеров, и из казарм начали выбегать солдаты. Кто-то самый шустрый построил шеренгой бойцов с плаца и повел их на обнаглевших стрелков.

– Полюби меня Юрга, у них там что, про устав вообще никто не слышал? – восхитился карлик.

Парсан Второй потребовал было пояснений, но тут же замолчал.

С севера, по широкой дуге обогнув тот самый разросшийся друл, появился отряд гвонков в полсотни сабель. Никто и среагировать не успел, как они прошли сквозь строй пограничников словно горячий нож через масло, кого порубив, а кого потоптав тиррами, опрокинули стихийно возникшую линию обороны у главного входа и ворвались внутрь заставы. Бой можно было считать выигранным. Слава победителям и горе побежденным!

– Здорово, а еще?! – воскликнул Парсан Второй, в возбуждении облизав губы. Десятки жестоких смертей, которые он только что наблюдал, дико

взбудоражили кровь. – Такое зрелище стоит любого ожидания!

Карлик на это лишь кивнул и принялся возиться с управляющим артефактом. Изображение опять отдалилось, стали видны дороги, лес, озеро, ближайшая к заставе деревня и поля вокруг. Затем вся эта панорама поплыла влево, с все большей и большей скоростью, пока быстро сменяющиеся виды на экране не слились в одно мерцающее пятно. Новая картинка возникла спустя несколько секунд. На этот раз это был центр какого-то города, в котором все те же гвонки штурмовали здание стражи. Фоном служила горящая ратуша.

В течение следующих часов Парсаны наблюдали немало зрелищ подобного рода. Уничтожение еще двух пограничных застав, расправа над дружиной какого-то мелкого приграничного барончика, убийство армейского мага, которому не повезло оказаться на пути авангарда кочевников...

Последнее особенно сильно впечатлило падкого до всего магического Парсана Второго.

Служивший королю Зарока колдун ехал верхом, никуда особенно не торопясь. В одной шелковой рубашке с закатанными рукавами – положенный по уставу темно-синий камзол торчал из седельной сумки, в широкополой шляпе и с зажатой в зубах курительной палочкой он больше напоминал путешествующего сибарита, но никак не строгого армейца. Причем сибарита совершенно беззаботного или даже безалаберного, не озаботившегося вооружиться ни мечом, ни арбалетом, ни магическим жезлом или иным артефактом.

И это в стране, где враждующие властные кланы занимались чем угодно, кроме управления государством! В настоящем раю для разбойников! Впрочем, совсем скоро выяснилось, что колдун имел все основания вести себя столь беспечно...

Когда из-за холма, к которому вела дорога, появился десяток гвонков, армейцу хватило секунды, чтобы оценить происходящее, стряхнуть расслабленность и негу и прикрыться каким-то магическим щитом. Для наблюдавших за ним через артефакт Парсанов выглядело так, словно вокруг зарокца и его тирра возникла полупрозрачная сфера, пускающая блики в лучах Тасса. Две выпущенные в мага стрелы, как и брошенный отрядным шаманом пульсар, защита деликатно отвела в сторону. Зато ответный удар чародея россыпью

огненных искр едва ли не уполовинил кочевников. Кто-то не озаботился защитой от Огня, у кого-то разрядились амулеты, а кто-то неудачно подставил под атаку своего тирра. В итоге бой не успел начаться, как зарокский колдун уже сделал серьезную заявку на победу.

Он бы, наверное, так всех гвонков и перемолол заклинаниями, принимая их ответные удары на защиту, но на свою беду выбрал не ту цель для первой атаки. Вместо того чтобы громить простых бойцов, ему следовало сначала расправиться с шаманом. Тогда у него точно был бы шанс, а так... Тактическая ошибка быстро стала стратегической.

Шаман, даром что проморгал первую фазу боя, ответил в лучших традициях повелителей духов Лихоземья. Наплевав на оборону, вытянул в сторону врага раскрытые ладони и, прокричав непонятную фразу, выпустил целый сонм подчиненных ему обитателей Астрала. Против бестелесного противника у мага оружия не нашлось. Его защита вмиг была разорвана, а сам он лишился жизненных сил и высушен до состояния мумии...

Такой вот рядовой эпизод войны. На вкус Парсана Второго, ему не хватало кровавости, но в целом толстяк был доволен.

Следующие трое суток оба правителя Земли Наместника дневали и ночевали около экрана, наблюдая за победоносным шествием собранной ими армии по территориям соседей. Больше всего внимания уделялось Зароку, но когда на второй день две тысячи гвонков и четыре тысячи наемников перешли через границу с Гурром, стали заглядывать и туда. Жаль только смотреть там было почти не на что. Армия нищего Гурра больше напоминала сборище разбойников или толпу крестьян, а никак не способную остановить внешнего агрессора силу. И при приближении вражеского войска попросту разбежалась. Несколько лучше выглядели дружины дворян и боевики из местной Гильдии магов, но их преданность новоявленным Владыкам была куплена заранее. Так что вторжение в эту страну больше напоминало прогулку до столичного Торка, где агрессора ждали цветы, ключи от города и корона, сорванная с головы казненного короля. Скукотища!

Поэтому, когда шаманы сообщили карлику о перехвате одним из карательных отрядов на выезде из Гарвоса кортежа правителя Зарока, Парсаны немного воспрянули духом. Военные действия шли согласно плану, никаких сюрпризов не было, так что они могли позволить себе наслаждаться интересным

и будоражающим зрелищем.

– Прикажи, чтобы его убили. Хочу это видеть! – потребовал Парсан Второй, возбужденно размахивая костью с ошметками мяса. Последнее время он предпочитал есть перед экраном, совмещая два удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Напоминаю читателю, что филистер по сути тот же самый мещанин-обыватель.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/vitaliy-zykov/vlast-sily-tom-2-kogda-vragi-standovyatsya-druzyami-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)